DK
651
.T28B4

Proc 346

Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

Кирочная
улица
домъ № 30
квартиры
№ 10.

ПОѢЗДКА

ВЪ РЕВЕЛЬ.

Aleksandr Aleksandrovich Bestuzhev

Сочиненіе А. БЕСТУЖЕВА,

Члена ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ Вольныхъ С. Петербургскихъ Обществъ: Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, и Соревнователей Просвѣщенія и благотворенія.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ПЛЮЩАРА.
1821.

DK 651
.T28 B4

Печатать позволено. С. П. Б. Іюня 25 дня 1821 года.

Цензоръ Сш. Сов. и Кав.

ИВ. ТИМКОВСКОЙ.

104837
!07

Сія кчига продается въ С. Петербургѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Кусобникова, въ книжномъ магазинѣ Слёнина.

ПОѢЗДКА ВЪ РЕВЕЛЬ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ревель, 29 Декабря 1820 года.

Желали вы — я обѣщалъ,
Мои взыскательные други!
Чтобъ я разсказамъ посвящалъ
Минутныхъ отдыховъ досуги,
И приключенія пути
Вамъ описалъ какъ Дю-Паши;
Чтобъ я, пиѳомецъ праздной лѣни
И пѣстунъ прихотей ея,
Ловилъ крылатыхъ мыслей тѣни
Подъ сонное перо моё;
Чтобъ я, былова съ идеальнымъ
Разнообразныя черты,
Воображеніемъ хрустальнымъ
Одѣлъ въ блестящіе цвѣты
Поэзіи, всегда игривой,
Или веселости шутливой;
Я обѣщалъ, друзья мои,
И увѣрительно и смѣло,
Когда звѣздилося *Аи*
И съ кровью рѣзвою кипѣло;

Теперь совсѣмъ иное дѣло:
Мечты сокрылись, былей нѣтъ,
И я, грызя перо съ досады,
Напрасно устремляю взгляды
Сквозь наблюдательной лорнетъ:
Здѣсь люди — люди, свѣтъ, какъ свѣтъ.
А на ..... пешлицы,
(Замѣчено изъ-подъ руки)
Невьютъ цвѣточные вѣнки
Парнасса милыя сестрицы.
За тѣмъ напутный мой разсказъ
Безъ піитическихъ прикрасъ
Рука небрежная писала;
И такъ, друзья — начнемъ сначала.

Я разстался съ вами — не надолго судя по времени, надолго по сердцу, и въ 7 часовъ вечера шлагбаумъ Нарвской заставы прогремѣлъ далеко за мною. — Кони ринулись и звонкіе колокольчики двухъ троекъ залились на Петергофской дорогѣ. — Морозъ былъ жестокой, небо яснѣло, мрачились мысли мои. — Одинъ сидѣлъ я въ саняхъ и вполнѣ чувствовалъ свое одиночество. Смѣнивъ лошадей въ Стрѣльнѣ, мы помчались далѣе. —

Приближаясь къ Кипени, я бросилъ

взоръ на холмы и поля, окрестъ Дудергофа и Краснаго села лежащія. Тамъ каждое лѣто маневрируемъ мы и приучаемся къ будущимъ битвамъ: —

Бывало шамъ, когда Природа въ снѣ,
Гремѣла пушка заревая,
И всадникъ, по полю рисуясь на конѣ
Скакалъ, оружіемъ сверкая.
И вдругъ стекался къ строю строй,
Перунъ послышавъ боевой: —
Пѣхота двигалась стѣнами,
Смыкались лашниковъ полки
И налетали козаки,
И, тихо вѣя флюгерами,
Улановъ приближался рой;
И лучь денницы золотой
Дробился на штыкахъ граненыхъ
И на доспѣхахъ вороненыхъ. —
Вотъ слышимъ: смирно, по мѣстамъ! —

И только, друзья мои. — Во фрунтѣ нѣтъ разсказовъ. Ученье кончилось; я запыленный, усталый, бросаюсь съ коня, и — уже подъ вечеръ выхожу подышать чистымъ воздухомъ на крутой скатъ горы, откуда все море, весь Петербургъ, видны какъ на ладони.

Тамъ съ милымъ Геснеромъ ночь тихую встрѣчалъ,
И съ вѣчною фантазіей крылатой;
Прощальной свѣтъ зари, какъ роза, увядалъ,
И меркнулъ Западъ полосатой.

И мѣсяцъ — юноша, задумчивый, одинъ
Едва бросалъ лучи свои румяны;
Какъ море, въ глубинѣ объятыхъ сномъ долинъ,
Дымилися махровые шуманы.

И шепчущій тростникъ, сверкающій ручей,
И небосклонъ, безмолвіемъ угрюмый:
Все наводило грусть, и все въ душѣ моей
Унылы воскрешало думы.

Вдругъ тучи сизыя, какъ ворона крыломъ,
Одѣли сводъ небесъ; перуны запылали;
А мы, нетрепетны, подъ трепетнымъ шатромъ
Шумъ бури смѣхомъ заглушали.

Блѣднѣла молнія передъ огнемъ ланитъ
Безпечныхъ юношей; за чашей круговою,
Бесѣду, прежнихъ бишвъ разсказъ животворитъ;
И настоящее смѣнялось стариною.

Внимая подвигамъ наѣздниковъ полка,
Душа, невѣдомымъ огнемъ воспламенялась,
И взглядъ врага искалъ, и смѣлая рука
За рукоятъ меча хваталась.

Пріѣхавъ на станцію Касково, не нашли мы лошадей; ворча сквозь зубы, вошелъ я въ комнаты; съ досадою началъ разоблачаться и оттаивать оледенѣлые усы свои; а наконецъ, видя, что на гнѣвѣ не выѣхать изъ Каскова, по-философски рѣшился оттаять свое сердце бутылкою добраго вина.

Едва мы съ братомъ принялись за пробку — колокольчикъ загремѣлъ подъ окномъ; въ одно мгновеніе, бренчанье сабли и грозной голосъ: »лошадей!« влетѣлъ въ слухъ нашъ, а усастый офицеръ, закутанный енотомъ, въ горницу. Это былъ Евгеній Кронъ, Маіоръ ....скаго Гусарскаго полка, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ въ театрѣ, а подружился у Фельета въ ресторації. — »Добро пожаловать, старой пріятель!« — обнялись, сжали другъ другу руки и, какъ водится, побранивъ добрымъ порядкомъ и Почт-

мейстеровъ и проѣзжихъ, присѣли за столъ, и — пошли разсказы.

»Какой чортъ несетъ тебя въ Ревель? (началъ онъ, закуривая свою огромную трубку:) признаться, я не знаю этого города, потому что бывалъ въ немъ только проѣздомъ; но ежели судишь о всѣхъ городахъ Лифляндіи по Дерпту и Ригѣ, то я торжественно предсказываю тебѣ самую скучную скуку. — Живши недѣлю у воркуна дяди своего, подлѣ Риги, я всякой день зѣвалъ какъ Кремлевская пушка, и радъ, радъ, что вырвался изъ границъ любезной моей родины. — Тамъ люди — невольники своихъ часовъ: веселятся по календарю, и на щепахъ выкладываютъ чувства. — Говоря это, я разумѣю о нѣкоторыхъ и то о мужчинахъ, потому что прекрасный полъ всегда и вездѣ любезенъ. — Въ Лифляндіи, особенно, недостаетъ глазъ на красавицъ, очень милыхъ, весьма хорошо воспитанныхъ. Но не спрашивайте ихъ о сердцѣ, — это не принадлежитъ къ домоводству; не говорите съ ними о чувствахъ души: онѣ едва знаютъ ихъ по наслышкѣ, и то изъ сонника.« — Вѣрно

какая нибудь жестокая красавица, незахотѣвшая признать тебя новымъ Пигмаліономъ, была причиною ѣдкой твоей сатиры? возразилъ я съ усмѣшкою. — »Ничего не бывало, продолжалъ Кронъ:« я говорю безпристрастно, потому что любовь моя къ женѣ служитъ мнѣ щитомъ противъ нападковъ вѣтренаго Амура. — »Ты женатъ? проказникъ Евгеній, женатъ?« — И очень сурьозно, любезный другъ, и очень счастливо; но я женатъ дома, а не для пріятелей. — За здоровье жены моей! Мы чокнулись и словоохотный Майоръ продолжалъ: дивлюсь право, какъ по сю пору ты не зналъ объ этомъ. Но я теперь расположенъ къ сказкамъ и хочу тебя посвятить въ таинства моей жизни. Прошу слушать:

»Родившись близъ Риги, я выросъ въ бѣлокаменной Москвѣ, учился въ Университетскомъ Пансіонѣ — и отъ того-то во мнѣ Нѣмецкаго осталась одна Фамилія. Родители мои умерли, и старой дѣдъ послалъ меня для окончанія курса Наукъ въ Гейдельбергъ. Какъ слѣдуетъ истинному Студенту, я одѣлся самымъ глупымъ обра-

зомъ; научился выпивать кружку зексъ-штунде съ одного пріему; спалъ на лекціяхъ, чтобъ не дремать въ практирахъ; билъ стекла въ окнахъ Профессорскихъ и ломалъ рапиры на груди первыхъ бойцевъ Университета — однимъ словомъ, заслужилъ имя лихова реноммиста. Не проходило ни одной дуэли за канавное право (Gassen-Recht), гдѣбъ я не игралъ или дѣйствительной или помогательной роли, и всѣ товарищи отдавали мнѣ первенство. Одинъ только Баронъ Эренсъ могъ спорить со мною и въ стрѣльбѣ и въ питьѣ и буянствѣ: это былъ прередкій человѣкъ; благороденъ, уменъ, веселъ; пылокъ какъ Арабская лошадь, и добръ, прошу не прогнѣваться, какъ я самъ. Съ перваго стакана, выпитаго на ты, мы стали неразлучными друзьями. Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ шалили и наконецъ вмѣстѣ насъ выгнали изъ Университета за дуэль, въ которой онъ былъ моимъ секундантомъ. Эренсъ поѣхалъ домой въ Пруссію, а я въ Россію, выученные всему, кромѣ того, чему должно учиться. Разставаясь, мы помѣнялись саблями, которыя нарочно зака-

зывали въ Солингенѣ. На клинкахъ сабель по-Французски написано было: Истинному другу. Возвратившись въ Москву въ 1811 году, я вступилъ въ гусары Юнкеромъ; служилъ, худо ли, хорошо ли, но всю кампанію; дрался, былъ раненъ и награжденъ — да не объ томъ дѣло. Полкъ нашъ въ 1815 году спѣшилъ къ Ватерлоо, чтобы попировать въ Парижѣ. На возвратномъ пути я былъ однажды назначенъ бригаднымъ квартирьеромъ, и обогнавъ полкъ свой, ожидалъ его въ Лейпцигѣ. — Вечеромъ, вышелъ я на бульваръ города, нашелъ тамъ нѣсколькихъ Русскихъ Офицеровъ, и мы, засѣвши въ палатку, принялись за Шампанское. Нѣмочки, прелестныя какъ Майское утро, мелькали взадъ и впередъ. Между прочими одна красавица, статная, милая какъ Ангелъ, тихо прошла мимо насъ. — Клянусь грядущими усами своими, вскричалъ уланской Корнетъ Посвистовъ, я бы охотно съѣздилъ двадцать разъ безъ очереди за фуражомъ, еслибъ эта дѣвушка позволила мнѣ поцѣловать свою перчатку. А я закладую свою голову противъ Грецкаго

орѣха, сказалъ вашъ покорнѣйшій слуга, что поцѣлую у нее руку; у меня подумать значитъ сказать, а сказать — исполнить, и я отправился въ слѣдъ за красавицею. — Случай явился ко мнѣ на ординарцы; она уронила платокъ, — я подлетѣлъ, поднялъ его, и, отдавая съ лестнымъ привѣтомъ, преискусно поцѣловалъ миленькую ручку прекрасной незнакомки. Изумленный и сердитый видъ ее ясно сказалъ мнѣ: вы, сударь, наглецъ; а сзади меня яркой басъ на чистомъ Нѣмецкомъ языкѣ повторилъ тоже самое. — Оглянувшись, увидѣлъ я высокаго Прусскаго Офицера, который тремя шагами догналъ насъ. — »Сестрица, сказалъ онъ испуганной дѣвушкѣ: садитесь въ карету и поѣзжайте домой — я скоро буду.« — Помогши ей сѣсть, онъ обратился ко мнѣ: »Государь мой, если вы храбрости не забыли въ ташкѣ съ своимъ разумомъ, то дозвольте полюбопытствовать, такъ ли же вы хладнокровны передъ саблею, какъ дерзки на обиду беззащитныхъ дѣвушекъ.« — Это меня взорвало; оба горячились, и дѣло кончилось, какъ водится, тѣмъ, что

взявъ секундантовъ, мы отправились за городъ. — »На чемъ будемъ мы драться?« спросилъ онъ; — вѣрно не на сабляхъ, отвѣчалъ я: мы Русскіе не любимъ въ сурьёзномъ дѣлѣ коммерческихъ сдѣлокъ. — Принесли пистолеты. Пули покатились въ дуло; шомполы прозвучали часъ смерти. Шесть шаговъ отщипаны были на барьеръ; еще по пяти должны мы были расходиться для прицѣла, и потомъ сходясь, стрѣлять какъ вздумается; курки брякнули. — Позвольте узнать, началъ я — кого будете вы имѣть честь застрѣлить? перебилъ онъ, — это вы узнаете послѣ моей или вашей смерти. Г. секунданты считайте, разы, мы готовы. — Въ это время, какъ нарочно, вѣтеръ спахнулъ фуражку, лежавшую на барьерѣ для означенія разстоянія. Г-да, сказалъ одинъ изъ секундантовъ: воткните пожалуйте сабли ваши вмѣсто барьера. — Мы оба вдругъ обнажили ихъ; золоченой клинокъ противника, какъ лучь, освѣтилъ мои мысли: — въ немъ я узналъ — Барона Эренса.

Нужно ли сказывать, что мы бросились другъ къ другу въ объятія, и дуэль

была забыта. Для насъ только непонятнымъ казалось, какъ могли мы неузнать одинъ другаго? Правду сказать, я по ложнымъ слухамъ не щиталъ его въ живыхъ и никогда не думалъ, что онъ вступитъ въ военную службу. Много воды утекло со дня нашей разлуки, и Эренсъ изъ милаго мальчика сдѣлался плотнымъ мужчиною. При томъ усы, бакенбарды, закрученные виски и загорѣлое лице, до половины скрытое въ воротникѣ ментика, вовсе его перемѣнили. Меня узнать было тоже не легко: рубецъ на щекѣ, въ память Мон-Мартрскаго дѣла, пряталася подъ широкую перевязку и дѣлалъ меня копіею рыцаря печальнаго образа. Гнѣвъ ослѣпилъ насъ: мудрено ли, что мы обманулись.

Братъ взялся испросить мнѣ прощеніе у сестры своей, и, на радости его безвреднаго возвращенія, все было забыто. Родители Эренса приняли меня какъ роднаго; я испросилъ позволеніе, остаться у нихъ еще на три недѣли и страстно влюбился въ Эмму, которую я обидѣлъ изъ шалости. Подлѣ нее забылъ я гусарство и весь свѣтъ; вздыхалъ, надѣялся, боялся,

дѣлалъ тысячу глупостей, а говорилъ ихъ безъ счету. Завтра надобно было ѣхать, а у меня слова замирали еще въ груди, чтобъ объясниться съ Эммою. Сердце было полно, а голова пуста, какъ пуговица на парадномъ дуломанѣ. Наконецъ Эренсъ вывелъ меня изъ лабиринта сомнѣній: спросилъ ее, узналъ что я ей нравлюсь, сказалъ старикамъ, и дѣло сладилось. Я уѣхалъ съ обручальнымъ кольцомъ; возвратился чрезъ три мѣсяца еще влюбленнѣе прежняго, женился и скоро явился въ полкъ. Вотъ тебѣ весь романъ моей женитьбы. Я чрезъ глупой анекдотъ нашелъ несравненную жену; но былъ въ опасности застрѣлить перваго своего друга, или погибнуть отъ руки его.« —

Лошадей запрягли, и мы разстались.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Ревель, Декабря 1820 года.

Еще было темно, когда мы пріѣхали на слѣдующую станцію. Многіе проѣзжіе спали на софахъ; маленькіе спутники мои, воспитанники ...скаго пансіона, задремали, сидя, покуда перемѣняли лошадей; и я самъ чуть не заснулъ, — но комической голосъ въ ближней комнатѣ насторожилъ слухъ мой ко вниманію: проѣзжій Нѣмецъ, оттачивая биркезомъ свою искренность, разсказывалъ полусонному хозяину трактира исторію своей жизни. Чтобъ судить объ удовольствіи, которое доставила мнѣ подобная встрѣча, должно было видѣть кубическую фигурку Оратора, его сановитый носъ, его ротъ едва застегнутый ушами, и слышать сквозь полуотворенную дверь многоглаголивый разсказъ, нашпикованный повтореніями. Я засталъ романъ моего героя на главѣ женитьбы; но это не помѣшало мнѣ узнать, что онъ кларнетистъ Иванъ Ивановичь Пошманъ; что его отецъ былъ громкой человѣкъ, потому что въ театрѣ игралъ на трубѣ; что бывшій

тесть его, гробовой мастеръ, дѣлалъ самые крѣпкіе гробы въ Петербургѣ, безъ печи и сквознаго вѣтру; что жена бранилась съ нимъ каждой день и била его всякое Воскресенье — однако же онъ любилъ ее за отличное искусство варить кофе, и ревновалъ, потому что это водится.

Но, взоръ за нею устремя,
Напрасно онъ гремѣлъ замками:
Лель видитъ болѣе двумя,
Чемъ ревность тысячью глазами.

Попросту сказать, жена ему измѣнила. Подобрала себѣ въ Зигварты какого-то Аптекаря и принудила мужа заплатить за разводную. — Стоической кларнетистъ не впалъ въ отчаяніе о потерѣ жены; геройски напился до пьяна на ее свадьбѣ, потому что его поили даромъ. Но съ тѣхъ поръ тоска грызетъ его сердце и желудокъ; уже никто не можетъ угодить на избалованный вкусъ его кофеемъ, и онъ мыкаетъ теперь свое горе по блюдичкамъ бюргер-клуба. — »Ахъ! welche prächtige Kafe! восклицалъ онъ, вздыхая какъ расдувальный мѣхъ, даромъ что въ немъ была половина цикорею. — Выходя посмотрѣть,

готовы ли лошади, я услышалъ, что онъ ѣдетъ въ Везенбергъ къ роднымъ, которые рекомендовали ему одну рѣдкую кофеваришельницу — и онъ рѣшается, проэкзаменовавъ ее въ искусствѣ варить кофе, сочетать съ нею участь своего сердца и кофейника. — Будь этотъ оригиналъ въ Англіи, подумалъ я, тамъ бы на него написали поэму не хуже Гудибраса и не тоньше его самого. Я насилу нашелъ брата своего на другой половинѣ почтоваго дома; онъ стоялъ подлѣ прекрасной, стройной дѣвушки, сидѣвшей на софѣ, и она показалась мнѣ Діаною, Царицею ночи, зажигающею блѣдную лампаду свою на спящемъ небосклонѣ. — Все дремало окрестъ; свѣчка передъ нею едва тлѣла, а братъ, какъ Борей, закутанный космапою шубою, довершалъ картину. — Уступивъ прелестной незнакомкѣ мѣсто свое, онъ вступилъ въ разговоръ, и мы узнали, что фамилія ее ***ръ и что она ѣдетъ изъ Ревеля. — »Опять раманическое приключеніе« думаете вы — и ошибетесь; встрѣча началась тѣмъ, что я былъ въ большомъ замѣшательствѣ, вбѣжавъ закутанный въ

горницу. — »Pardonnez, madame!» бормоталъ я, схватившись за шапку свою, прикрѣпленную тремя Гордіевыми узлами; но шапка не снималась, — я съ минуту бился въ ней какъ Дмитріева Голубокъ въ силкѣ; стащилъ ее на глаза и наконецъ коекакъ освободилъ свою голову изъ очарованной чалмы. Можете вообразить себѣ эту комическую сцену! Объявивъ торжественно брату, о готовности повозокъ, мы пожалѣли, что такая красавица не будетъ украшать собою Ревельскіе праздники; пожелали ей счастливаго пути до Петербурга, раскланялись и сѣли въ сани. Братъ уѣхалъ впередъ; скоро и я пустился за нимъ же.

Вороша скрыпнули за мною,
И я въ дорогу поскакалъ;
Туманъ волнистой пеленою
Кругомъ всё поле застилалъ;
Блѣднѣя утренни поляны,
Тонули въ сумрачныхъ зыбяхъ,
И солнце на Востокъ румяный
Вдругъ вышло въ пламенныхъ лучахъ.
Поля алмазныя зажглися,
Туманы въ облачки свилися,

Полупрозрачною грядой
На сводъ всбѣжали голубой. —
Въ жемчугъ осыпанными снѣжный,
Вѣшвями вѣшерокъ игралъ,
Отъ соснъ и отъ угрюмыхъ скалъ
Простерлись шѣни перебѣжны.
Яснѣло утро, я скакалъ
И съ скрыпомъ подрѣзи жужжали,
И быстро мимо насъ мелькали
Лѣса и холмы и поля,
Отъ взоровъ небеса бѣжали,
Катилась изъ-подъ ногъ земля;
И снѣгъ, взвѣваемый конями,
Летѣлъ за рѣзвыми санями,
И будто огненнымъ дождемъ
Сверкая въ радугѣ цвѣтистой,
На слѣдъ ложился серебристой.

Въ самомъ дѣлѣ какое прекрасное зрѣлище представляетъ зимой восходящее солнце, когда багрянымъ щитомъ выкатывается оно надъ заснѣженною землею! —

Между тѣмъ мы подвигались впередъ очень медленно, останавливаясь вездѣ или обѣдать, или завтракать, или пить кофе, или согрѣвать своихъ спутниковъ, которые едва отпаивали, но и начинали рѣз-

виться. — Иногда появлялось у меня, спящаго, углемъ намаранное прибавленіе къ усамъ; иногда комокъ снѣгу невидимо прыгалъ за галстукъ — и я хохоталъ съ ними въ честь минувшаго дѣтства. — Въ 4 часа, 24го Декабря, мы проѣхали черезъ Ямбургъ (прежній Ямъ), стоящій на двухъ крутыхъ берегахъ Луги; городокъ небольшой, но весьма чистой, съ прекрасными казенными зданіями и церковью. Сколько разъ взятъ онъ былъ Рыцарями Тевтоническаго Ордена! сколько разъ въ стѣнахъ своихъ, теперь уже несуществующихъ, видѣлъ Русскихъ и побѣжденными и побѣдителями! сколько разъ небо его раскалялось заревомъ пожаровъ!

Въ 8 часовъ, объѣзжая Нарву, я пожалѣлъ, что не имѣлъ времени осмотрѣть ее. Черныя башни замка вздымались на скалахъ; индѣ раздавленныя временемъ стѣны висѣли надъ Наровою, и надъ шпицами башенъ и церквей готическихъ разширялъ крылья свои мракъ ночи.

За Нарвою начинается Эстонія; уже не видно богатыхъ почтовыхъ домовъ; лошади и люди малы; лѣсъ рѣдѣетъ по

мѣрѣ приближенія къ Ревелю, и дорога съуживается постепенно. — Плитныя хижины обитателей, разсѣянныя между кустарниками, рѣдко стоятъ деревнями. На каждыхъ двухъ или трехъ верстахъ видны дымныя корчмы, безъ полу, съ огромнымъ въ углу каминомъ. Въ нихъ-то закопченые Эстонцы, съ всклокоченными и висящими по поясъ волосами, покоятся вмѣстѣ съ козами и теляпами; въ нихъ паръ ходитъ по низу, а дымъ по потолку. Входя туда, я думалъ каждый разъ видѣть себя въ подземномъ Плутоновомъ царствѣ, и, выходя на чистой воздухъ, всегда говорилъ, любуясь на черныя лица и грязныя стѣны Эстонскія: хороша Природа — когда её вымоютъ.

Однако, составивъ, подобно Жуи, науку замѣчанія — изъ правила: слушать богатыхъ людей и заставлять говорить бѣдныхъ, — я узналъ, что состояніе здѣшнихъ крестьянъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, весьма улучшилось вліяніемъ постепенной свободы, Монархомъ нашимъ данной. Владѣльцы, содѣйствуя цѣли мудраго Правительства, видимо полу-

чаютъ отъ сего выгоды; землепашество цвѣтетъ въ этомъ краю; — винокуреніе ободряетъ оное, и Эстонцы мало по малу отвыкаютъ отъ пьянства, лѣни и всѣхъ пороковъ, невѣжество сопровождающихъ; — но, друзья мои, я пишу не книгу и не изъ книгъ, а потому любопытнымъ читателямъ совѣтую прочесть сочиненіе: *Essai critique sur l'histoir de la Livonie*, въ которомъ подробно описано настоящее положеніе всей Ливоніи.

Не знаю, случалось ли вамъ, друзья мои, испытывать переходъ отъ бдѣнія ко сну, какой я всегда испытываю; иногда бываетъ онъ вовсе не послѣднимъ сномъ и часто замѣняетъ оной физически: — мысли нечувствительно смѣшиваются, блѣднѣютъ, меркнутъ; ухо внимаетъ еще внѣшнимъ звукамъ, но уже сливаетъ оные съ неясною внутреннею мечтою; еще нить послѣдняго понятія, какъ бы сопрясаясь, повременно даетъ себя чувствовать; но какой-то хаосъ туманитъ воображеніе и память, спутывая все въ одно невыразимое ощущеніе; еще грезы не изглаживаютъ воспоминанія о пребываніи тѣ-

леснаго состава, какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ, но тѣмъ непримѣтнѣе онѣ увлекаютъ и обманываютъ чувства. Не могу описать, что я вижу и слышу тогда; но знаю, что въ подобной дремотѣ имѣю особый кругъ знакомства въ мысляхъ, въ изображеніяхъ и въ мѣстахъ; — открываю глаза, и съ минуту мечты сіи продолжаютъ на меня свое вліяніе; но по мѣрѣ того какъ понятія и чувства приходятъ въ порядокъ — онѣ удаляются, исчезаютъ, подобно тѣнямъ фантасмагоріи, наконецъ не оставляютъ по себѣ ни малѣйшаго впечатлѣнія, никакого воспоминанія. — Мы ѣхали на перекладныхъ, и я, утомленный двухдневною безсонницею, лежалъ на саняхъ часу въ 8 утра, погрузясь въ такую дремоту, и хотя пробуждался при каждомъ скачкѣ по камнямъ, но уже готовъ былъ забыться; — вдругъ сани опрокинулись, и я вылетѣлъ вонъ: ударъ былъ жестокъ; грянувшись головою о снѣгъ, я потерялъ память; мнѣ казалось тогда, что ударили въ огромной колоколъ! ... но когда пришелъ въ себя, то сожалѣлъ, что не былъ зрителемъ своего па-

денія, съ котораго можнобъ было нарисовать презабавную каррикатуру: я, какъ Сципіонъ Африканскій, нехотя лобызалъ землю чуждую; мой Санхо-Панса барахтался подъ чемоданами, а засаленной Эстонецъ вылѣзалъ въ треухѣ изъ подъ саней. Двоица смирныхъ коньковъ хлопала ушами, смотря на наше горе, и тѣмъ довершала пейзажъ. — Не впервые случилось мнѣ упасть, но впервые такъ неудачно. — Съ трудомъ, поднявъ больную свою голову, я доѣхалъ до почтоваго двора, проклиная землю, гдѣ и на сухомъ пути должно бояться подводныхъ камней.

Надобно путешествовать, чтобъ научиться, говорятъ всѣ; я думаю: надобно учиться, чтобы съ пользою путешествовать. Тогда всякой предметъ, одушевленный воспоминаніемъ, принимаетъ новую жизнь и голосъ. Я испыталъ это, проѣзжая мимо мѣстечка Магольма, извѣстнаго битвою Рыцарей Ливонскихъ съ войсками Великаго Князя Іоанна, дѣда Грознаго, въ 1501 году. Сорокъ тысячь Русскихъ и Татаръ двинулись наказать ослушныхъ данниковъ Россіи — Меченосцевъ. Достойный противникъ на-

жидалъ ихъ: это былъ мужественный Гермейстеръ, Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ, человѣкъ мочный тѣломъ и душею, совѣтный въ мирѣ, страшный въ бояхъ. Здѣсь состулились полки Русскіе съ желѣзными эскадронами Ордена; вчетверо были Рыцари слабѣе нашихъ числомъ, въ десять разъ сильнѣе устройствомъ. Грянула артиллерія Нѣмецкая, покатился бѣглый огонь ружейный — и Псковитяне дрогнули, побросали оружіе и увлекли въ бѣгство дружину Московскую. Воевода Тенгшинъ и Бояринъ Бороздинъ легли на мѣстѣ: не великъ былъ уронъ нашихъ мертвыми, великъ стыдъ живымъ. Плеттенбергъ преслѣдовалъ бѣглецовъ; отраженный отъ Изборска, выжегъ его предмѣстіе — и трагедія кончилась комически. — Въ войскѣ Нѣмецкомъ случилась презабавная болѣзнь, и оно, разслабленное недугомъ и трудами, едва могло съ важнымъ урономъ уйти восвояси. — О мѣстѣ сраженія лѣтописи не согласны: Русскіе назначаютъ его на рѣкѣ Сирицѣ, неподалеку отъ Изборска; Арндтъ и Гадебушъ, здѣсь. Послѣднее оправдывается преданіемъ, что

Плеттенбергъ, предъ битвою, далъ обѣтъ въ случаѣ успѣха построить церковь — и построилъ ее. Развалины ея и донынѣ видны, верстахъ въ трехъ отъ дороги, близъ станціи Гохен-Крейцъ.

Далѣе, на крутой горѣ, видѣнъ полуразрушенный замокъ Везенбергъ, знаменитый своими бѣдами, богатый историческими воспоминаніями. Будучи порогомъ въ область Ревельскую, онъ былъ взятъ и сожженъ болѣе 20 разъ, Датчанами, Русскими и Поляками. Часты и ужасны были сѣчи въ стѣнахъ и подъ стѣнами его; но достопамятнѣе всѣхъ была битва Нѣмцевъ съ дружинами Новагорода, Ладоги и Пскова въ 1268 году.

Михаилъ и Димитрій сыны Ярослава, предводили ими. Русскіе съ порохами (орудіями) стѣнобитными шли осаждать Датчанъ въ Везенбергѣ, и встрѣтили нежданыхъ враговъ въ Рыцаряхъ Тевтонскихъ, которые, обѣщавъ имъ пріязнь, измѣнили честному слову и незапно явились передъ полками Новогородскими. Крестоносцевъ вели: Магистръ Оттто фонъ-Роденштейнъ и Александръ, Епископъ Дерптскій. — Рос-

сіяне изумились, но не оробѣли, перешли впередъ за рѣчку Кеголь, ударили дружно, врѣзались въ ряды непріятельскіе, гибли и губили; тысячи падали, никто не отступалъ. Лишь одинъ Князь Юрій Андреевичь »далъ плечо,« какъ говоритъ лѣтописецъ, »можетъ перевѣтъ (измѣна) былъ въ немъ; Богъ вѣсть.« — Посадникъ Новогородскій Михаилъ и много чиновныхъ людей убито, еще больше пропало безъ вѣсти; но Димитрій смялъ Рыцарей, и до поздней ночи билъ и гналъ ихъ подъ стѣнами самаго города. — Дорого стоила Нѣмцамъ битва, еще дороже Русскимъ побѣда; и они, простоявъ три дни на костяхъ (т. е. на полѣ сраженія), ушли домой. Пять тысячь воиновъ Русскихъ и 1300 Нѣмцевъ пали. Епископъ Дерптскій былъ въ числѣ сихъ послѣднихъ. »Ни отцы, ни дѣды наши не запомнятъ такого сраженія,« повѣствуетъ лѣтописецъ Новагорода!...

Безъ особенныхъ приключеній добрались мы, въ самое Рождество Христово, до послѣдней станціи къ Ревелю. Уже было 7 часовъ вечера, какъ мы пустились въ до-

рогу, и долго ѣхали по едва набитой тропѣ; вдругъ порхнулъ снѣгъ, сгустился, поднялась вьюга, и обширная пустыня морскаго берега взволновалась подъ крылами бушующаго вѣтра. Гранные камни, означающіе путь, начали скрываться; снѣгъ ослѣплялъ глаза, вихорь заметалъ дорогу; наконецъ и слѣдъ ее исчезъ. Не такъ ли, думалъ я, исчезнемъ и мы!...

Промчатся вѣки въ слѣдъ вѣкамъ
За улетающимъ мгновеньемъ,
И смерть по жизненнымъ путямъ
Запорошитъ нашъ слѣдъ забвеньемъ!

Долго кружились мы по произволу коней; сани опрокидывались ежеминутно, и въ десяти шагахъ горизонтъ сливался съ землею. — Уже прошло три часа, какъ мы, измученные исканьемъ дороги, бродя по поясъ въ снѣгу, то надѣясь, то теряя надежду, скитались въ безбрежномъ морѣ снѣговъ. — Холодъ умножался, иней съ вѣтромъ проникалъ всюду, и я въ самомъ дѣлѣ началъ бояться заморозить своихъ спутниковъ. Къ большему несчастію, полупьяные и вовсе глупые извощики не разумѣли по-Русски и не слушали насъ; однако же

грозящій фухтель убѣдилъ ихъ ѣхать по вѣтру — и черезъ полчаса мы едва не упали съ уступа горы Лакс-берга — одна лошадь оборвалась, — выскочивъ изъ саней, мы увидѣли, что не вдалекѣ, внизъ бѣжала проселочная дорога; и обрадованные, хотя обмокшіе, пріѣхали въ обѣтованную землю, въ Ревель, — въ Ревель, друзья мои, откуда я пишу къ вамъ эти бѣглыя строки.

Закруженный вихремъ танцевъ, я храню, до свиданія съ вами, подробности моего пріѣзда; умалчиваю о удовольствіи найти въ человѣкѣ, къ которому были мы адресованы въ городѣ, умнаго и веселаго товарища, юношу лѣтъ двадцати, съ совершенно рыцарскимъ характеромъ Баярдовыхъ временъ. Онъ Адъютантъ Адмирала С—а; фамилія его Г—лъ. Вы знаете, что между военными скоро снуется знакомство, а между людьми, у которыхъ сердце настроено искренностію, знакомство есть дружба, и мы въ два часа, проведенные за полночь — будто вѣкъ другъ друга знали.

На другой день, явившись ко всѣмъ начальникамъ, я отправился на форштатъ

къ Генералу Л. В. С—ву; къ тому самому, который пригласилъ меня посѣтить Ревель. Онъ былъ очень доволенъ, что я сдержалъ данное слово, — а я былъ очень радъ его увидѣть. Въ его-то почтенномъ семействѣ, друзья мои, и вдали отъ васъ провелъ я пріятнѣйшіе часы, кажется, утаенные отъ золотаго вѣка. Если бы вы поручили мнѣ абрисовать образецъ матери, кисть моя начертала бы его супругу: съ Патріархальною простотою слились въ ней любезность и просвѣщеніе нынѣшняго вѣка, здравый умъ съ рѣдкою добротою душевною. — Материнская нѣжность ея лелѣетъ юныя отрасли, возращенныя, образованныя ея рукою; за то общее уваженіе и любовь примѣрныхъ дѣтей служатъ ей наградою. Самъ Генералъ столь же дѣятеленъ по службѣ, какъ милъ въ обществѣ. Служа отечеству словомъ и дѣломъ, онъ одну правду чтилъ своею богинею; въ его пятидесятилѣтней груди волнуются чувства пылкой юности, и двери сего ревностнаго защитника пользъ человѣчества не закрываются для добрыхъ людей, а кошелекъ и сердце для несчастныхъ.

Въ домы: Главнаго Командира, Губернатора Гражданскаго, флотскаго начальника и другіе, гостепріимство пригласило насъ, а ласковость къ нимъ привязала. Однимъ словомъ: я, призванный сюда изъ шумной столицы духомъ любопытства, долго бы остался здѣсь по чувствамъ души. Здѣсь узы мѣрнаго этикета не тягчатъ молодости, и не скучаютъ старости. Общество ограничивается кругомъ небольшимъ, но избраннымъ и, не смотря на неизмѣнность, разнообразнымъ. Здѣсь уже знаютъ тѣхъ, кого любятъ, и вѣрно любятъ, съ которыми знаются; ибо не на пустомъ приличіи, а на взаимномъ уваженіи основывается знакомство.

Я прежде слышалъ, и теперь испытываю, что въ провинціяхъ веселятся болѣе и веселѣе, чѣмъ въ столицѣ; теперь въ Ревелѣ хотя не пора баловъ, но ни одного дня не проходитъ, что бы мы не были приглашены на обѣдъ или на вечеръ. Едва открываешь глаза, и приглашенія являются вмѣстѣ съ чашкою кофе. Тамъ ждутъ насъ пріятельскія устрицы и Гохгеймское на завтракѣ; туда манитъ одушевленный

вечеръ, и я право на полетѣ ловлю свободныя минуты для разсматриванія рѣдкостей города.

При томъ до антиковъ ли мнѣ, друзья мои, между юными обитательницами здѣшняго міра, столь близкаго къ идеалу моей Утопіи. Здѣсь бы, въ нѣдрѣ семействъ, долженствовалъ Жанъ-Жакъ списывать правила воспитанія, и тогда бы не метеоръ воображенія, а пламенникъ опытности былъ вождемъ Эмиля. Сюда призвалъ бы я нашихъ модныхъ матерей, чтобы показать имъ истинный долгъ матери, супруги и средства быть свѣтскими женщинами, не измѣняя оному. Воспитаніе дѣтей здѣсь первое занятіе родителей, а добрыя дѣти первое ихъ убранство. Здѣсь мать, совершивъ свой долгъ, не краснѣетъ взрослой дочери, подобно тѣмъ, у коихъ, въ невозвратное время воспитанія, взоры блуждали по ломбернымъ столамъ или привѣтствовали ласкателей.

Здѣсь и безъ Французовъ всѣ дѣвицы говорятъ очень хорошо по-Французски. — Въ разговорѣ съ ними коснувшись даже предметовъ, невходящихъ въ составъ

дамскаго туалета, не боишся краснѣть за ихъ незнаніе, что (не въ укоръ между нами) случается иногда при нашихъ красавицахъ. На примѣръ, здѣсь никто не спроситъ, можно ли въ Америку проѣхать бѣрегомъ? или сколько лѣтъ продолжалась семилѣтняя война? не будутъ даже увѣрять, что Малекъ-Адель былъ первой герой Исторіи, потому что Мадамъ Котень это писала. — Здѣшніе балы не походятъ на столичные, откуда такъ часто возвращаешся съ пустотою въ душѣ, съ дремотою на глазахъ и съ пылью на платьѣ. На нихъ не встрѣтишся съ шумною толпою фанфароновъ, которые у насъ скучаютъ паркетамъ и съ важнымъ видомъ разсказываютъ обвѣтшалые пустяки; они

Довольные собою сами
И тупы острotой чужой,
Всѣхъ душатъ скукой выписной,
Любезностями и духами. —
Кокетокъ не увидишь тамъ
Разряженныхъ не по лѣтамъ,
Которыя составъ скудельной,
Цвѣтятъ гирляндою поддѣльной,

И снова думая блеснуть
Давно забытой красотою,
Хотятъ подъ сѣтью кружевною
Свою антическую грудь
Зефиромъ купленнымъ надуть;
Незнаемы чувствъ ложныхъ взоры,
Расписанныхъ не видно лицъ,
И лестью жителей столицъ
Тамъ не румянятъ разговоры,
Насмѣшекъ, пересудовъ нѣтъ,
Незнаемъ философской бредъ,
И колкость шуткѣ неизвѣстна;
Веселость сердца не шумна,
Тамъ и застѣнчивость прелестна
И прелесть самая скромна; —
Дѣвицъ заёмной мишурой
Ни умъ, ни платье не блистаетъ,
Но ихъ невинность украшаетъ
Неотцвѣтаемой красой.

Въ самой вещи, здѣсь рѣдко увидишь летучія перья, которыя такъ удачно дамы наши избрали эмблемою своего легкомыслія, или Райскую птичку на головѣ какой нибудь Медузы. Переходя сюда, Петербургскія моды теряютъ странность свою, и потому недостатокъ ее замѣняютъ здѣсь вкусомъ. Въ утѣшеніе красавицъ

нашихъ скажу, что я невѣжда въ нарядахъ, и потому, станется, не восхищался чудесными ихъ модами; а себѣ въ оправданіе привожу извѣстный Грессетовъ стихъ:
«Vous savez: sur les goûts on ne dispute pas.»

Любя во всемъ чистые дары Природы, я предпочитаю ихъ прихотливымъ выдумкамъ роскоши. А гдѣ Природа была роскошнѣе въ щедротахъ своихъ, какъ не здѣсь? Посмотрите, какія правильныя черты у этой стройной блондинки; какая выразительность въ лицѣ у той темнорусой красавицы; какая жизнь въ этихъ черныхъ глазахъ! Полюбуйтесь свѣжестью краски, нѣжностью у всѣхъ. Но, что бы описывать женщинъ здѣшнихъ, я скажу, какъ Сегюръ: надобно омочить перо въ радугу и засыпать пухомъ съ крыльевъ бабочки; а теперь, друзья мои, нѣтъ ни радуги, ни мотыльковъ. Здѣсь едва ли можно счесть прекрасныхъ, у насъ едва ли можно насчитать ихъ весьма скудное количество! ... Предоставляя разыскивать тому причины гг. Физіологамъ, думаю однакоже, что красота нравственная имѣетъ большое вліяніе на красоту физическую;

а образъ жизни отцевъ и дѣтей поддерживаетъ оную въ здоровьѣ и свѣжести. на примѣръ, здѣсь не приучаютъ дѣтей ни къ чаю, ни къ пряным кореньямъ, безвременно притупляющимъ вкусъ. Здѣсь сонъ не знакомится съ солнцемъ, обѣдъ не ждетъ вечера, балы не гоняются за полуночью; за то и гости и хозяева веселы, живы; за то и цвѣтъ лица ихъ спорит только съ розами, а не съ лимонами; за то и здоровье ихъ течетъ столь же регулярно, какъ ихъ жизнь. Конечно, есть безразсудные люди, которые называютъ ее прозябеніемъ, а не жизнію; смѣются надъ нею, потому что сами не могутъ жить подобнымъ образомъ; но истинное спокойствіе сокрыто въ глубинѣ души мирныхъ обитателей Лифляндіи, и никакой вѣтеръ моды не вывѣетъ его оттуда софизмами.

Въ Ревелѣ многіе говорятъ по-Русски, почти всѣ по-Французски, но любимый языкъ Нѣмецкій. Въ самомъ Русскомъ кругу замѣтно это пристрастіе; и даже нѣкоторые земляки мои знаютъ лучше Германскій, нежели свой природный языкъ; впрочемъ и у насъ это не диво. Сначала

меня пугалъ такой Германизмъ, но мало по-малу я съ удовольствіемъ привыкъ къ нему, когда рѣзкія фразы Нѣмецкія, вылетая изъ прелестныхъ губокъ, смягчались, и, слившись съ гармоническимъ голосомъ, звуками своими ласкали слухъ мой. —

Чистота въ домахъ Ревельскихъ привлекательна; не роскошь, но вкусъ царствуетъ за столами, и опрятность на поварнѣ. — Если вы хотите заглянуть и туда, то увидите чистенькую, румяную повариху въ бѣломъ передникѣ, которая въ горящую какъ золото посуду наливаетъ свѣтлый супъ, и все приправляетъ не отравами, какъ у насъ, но самимъ аппетитомъ. Между прочимъ замѣтите вы, что красота здѣсь обща всѣмъ классамъ; она зрѣетъ равно при восковыхъ свѣчахъ лучшихъ обществъ и при пламени скромнаго очага.

Но свѣчка моя гаснетъ; уже ночной стражъ (Nachtwachter) просвисталъ (1) два часа за полночь: до перваго досуга прощайте друзья мои; Морфей вѣетъ крылами и обѣщаетъ представить всѣхъ милыхъ сердцу.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Ревель, 31 Декабря. Утро.

Вчера я былъ въ здѣшнемъ театрѣ. Онъ не великъ, не богатъ украшеніями, за то въ немъ хорошо видно и слышно, а это чего нибудь стоитъ. Антр-пренёръ его, бывшій Актеръ Петербургской труппы, Г. Гебгардъ. Давали трагедію: Разбойники на Кульмской горѣ; одинъ Гебгардъ игралъ въ ней хорошо, еще двое порядочно, прочіе едва сносно. Я сидѣлъ подлѣ С—ни, новаго знакомца моего любезнаго весельчака и извѣстнаго въ Нѣмецкой Словесности литтератора: онъ на каждую сцену дѣлалъ комментаріи и комико-біографически толковалъ о всемъ и о всѣхъ; въ интермедіи нашей занимали мѣсто и Актеры и зрители, даже мы сами. Для чего, спросилъ я, декоратору вздумалось представить зиму тамъ, куда уходятъ съ балу прогуливаться этѣ красавицы и въ такомъ легкомъ нарядѣ? Конечно дѣйствіе происходитъ на горахъ, но вѣрно не на верхушкѣ горъ? »Вы, г-да пріѣзжіе, очень прихотливы, отвѣчалъ онъ. Декораторъ

нашъ человѣкъ расчетливой: онъ знаетъ, что мѣлъ дешевле зеленой краски, а до ходу пьэсы ему вовсе нѣтъ дѣла. Да и на вашемъ театрѣ я видѣлъ чудеса, еще забавнѣе здѣшнихъ; на пр.: въ драмѣ Ермакъ, станъ Кучумовъ расположенъ, гдѣбъ вы думали? — на Аѳинской площади, писанной для Эдипа; видѣлъ вашу Дидону въ кружевахъ, Испанцевъ въ Польскихъ контушахъ, а воиновъ Фингаловыхъ въ Рыцарскихъ перчаткахъ и въ Русскихъ шишакахъ съ хвостами; видѣлъ, какъ левъ сморкался на сценѣ, видалъ и много тому подобныхъ вещей. Но обратимся къ пьэсѣ: видишь ли какъ методически гг. разбойники рѣжутъ прохожихъ: это еще цвѣтки; у насъ есть трагедіи, въ которыхъ въ третьемъ дѣйствіи всѣ персонажи перебьютъ другъ друга, и въ двухъ осипальныхъ играютъ тѣни умершихъ. Случаются даже такія кровопролитія, что партеръ тонетъ въ крови.» О, если это случится теперь, возвразилъ я, то намъ можно будетъ выплыть на контр-басѣ, который заслоняетъ отъ зрителей половину сцены. »Нравится ли тебѣ игра этого

высокаго человѣка, у котораго первой этажъ его костюма принадлежитъ къ прошлому столѣтію, а другой выдумкѣ нынѣшняго портнаго?» спросилъ меня С...ни. Если ходить называется играть, то и онъ Актеръ, былъ мой отвѣтъ; онъ мастерски рѣжетъ головы и деретъ намъ уши. Но для чего онъ прячетъ подъ епанчу руки свои, будто Капонъ Ушикскій? — »Для того же самаго, для чего онъ пріѣхалъ на балъ въ оленьихъ сапогахъ: въ отношеніи къ приличію, это смѣшно; но въ театрѣ весьма холодно, и это очень благоразумно; à propos des bottes: каковы кажутся тебѣ наши Актрисы.» Не знаю ихъ вблизи, но мнѣ здается, что одна изъ нихъ не очень хороша, за то другая очень не хороша; и эта другая, не знаю по чему, растворяетъ ротъ весьма широко, а говоритъ весьма тихо? »Она любитъ разсказывать секреты себѣ на ухо,» отвѣчалъ С-ни. Мнѣ помнится, я видѣлъ гдѣ-то физіономію Актера, играющаго теперь роль Буффа? продолжалъ я. »Не мудрено, что она кажется тебѣ знакомою, сказалъ сосѣдъ мой: ты приглядѣлся на его велича-

вый портретъ на картузахъ канастеру .... но послушай, какъ зрители аплодируютъ сумасшедшему Рыцарю, хотя Актеръ, его играющій, смѣшитъ, вмѣсто того, чтобъ трогать; и признайся, что роли дураковъ и безумныхъ, на сценѣ и на театрѣ свѣта, самыя благодарныя; ибо всѣ увѣрены, что сами ихъ умнѣе. Одна ко же пьэса приходитъ къ концу, и что бы не сказали будто мнѣніе наше о ней односторонно, перейдемъ-ка на другую сторону креселъ.» Смѣясь, мы перемѣнили мѣста, и въ разговорахъ не замѣтили, какъ съ пыльныхъ облаковъ слетѣла занавѣсъ. — Добрые здѣшніе мѣщане утирали платками слезы, потому что на афишкѣ возвѣщена была Trauerspiel, а не комедія; мы же отправились въ акціонъ-клубъ, и тамъ за бутылкою вина увѣнчали Ревельскую Мельпомену вѣнцемъ Таліи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Ревель, 3 Генваря 1821 года.

Завтра отходитъ почта, друзья мои, и это письмо будетъ предтечею скораго свиданія съ вами. — Желаю видѣть васъ, но, признаюся, еще болѣе — хочу остаться въ Ревелѣ. Кто разгадаетъ теперь сердце человѣческое? мое? кто взвѣситъ въ немъ страсть къ новому и привязанность къ старому — сіи центральныя силы страстей нашихъ? Не понимаю себя, но чувствую, что люблю васъ не менѣе прежняго, любя другихъ не менѣе васъ: эластическая цѣпь дружбы не теряетъ силы своей, обнимая и многіе предметы.

Я встрѣтилъ новый годъ очень весело, а вы знаете, что душевная веселость цвѣтетъ во мнѣ столь же рѣдко, какъ цвѣтъ на алоэ. Это случилось въ домашнемъ маскарадѣ у Генерала С-ва. За два дни намъ вздумалось маскироваться, и вдругъ жилище наше превратилось въ швальню. Братъ мой избралъ костюмъ Арлекина, я Бедуина Аравійскаго. Въ 8 часовъ, пріѣхавъ туда, я нашелъ уже лучшій кругъ Ревель-

скій собраннымъ. Разнопестрыя маски мелькали, толпились, обманывали, узнавая другъ друга, и обманывались въ свою очередь. — Жители всѣхъ странъ, въ древнихъ и въ новыхъ историческихъ костюмахъ, собрались сюда какъ на площадь Смирны или въ Крестовый походъ. Здѣсь Лапландецъ, забывъ снѣга и лыжи, прогуливался съ Аркадскою пастушкою; тамъ важный Сераскиръ кружился съ Финскою крестьянкой, или блистательный Танкредъ вальсировалъ съ Русскою красавицею. Французская пудра сыпалась въ бороду Рижскаго кавалера, финѣйны цѣплялись за кинжалъ разбойника Пальмиры, или покрывало Весталки за четки Капуцинскія. Вдругъ огромная сахарная голова приманила къ себѣ толпу: — любопытство разорвало бумажную обертку оной, и мадамъ La Sucrée, закрывая вѣеромъ кислую рожицу, явилась изъ неё, какъ бабочка изъ хризалиды. Рыбакъ въ шелковой сѣти носилъ конфектныхъ рыбокъ, но не съ конфектными, а съ весьма забавными девизами. Одинъ охотникъ предлагалъ дичь; мы собрались въ кружокъ, онъ развязалъ

сумку свою — и чтожъ въ ней увидѣли? — творенія пѣвца Телемахиды, и того, и того ... и даже я видѣлъ тамъ многихъ знакомцевъ нашихъ. Дичь драматическая обнималась съ пінтическою; всѣ смѣялись.

Между прочими мнѣ понравилась маска С-ни, о которомъ я уже вамъ упоминалъ. Онъ былъ одѣтъ почтальономъ, и всѣмъ коротко знакомымъ своимъ разносилъ письма, заключающія въ себѣ небольшіе куплеты. Вотъ тѣ, которые помню, и перевожу какъ умѣю.

Хозяйкѣ дома.

Душа семьи, и мать, достойная похвалъ,
Ты счастіе родныхъ, ты ближнихъ идеалъ.

Одной красавицѣ.

Небесной взоръ очей твоихъ,
Какъ въ зеркалѣ, души являетъ совершенство;
Но одному онъ принесетъ блаженство,
И горе множеству другихъ! —

Дѣвицѣ, которая прекрасно пѣла.

Какъ въ пѣніи твоемъ, сребристый голосъ, нѣжной
Течетъ въ твоей груди спокойство безмятежно.

Мужу, у котораго жена мила какъ Ангелъ.

Кшобъ позавидовать тебѣ не захотѣлъ?
Богиня смертному досталася въ удѣлъ.

Женѣ его.

Цвѣшокъ первѣйшихъ благъ, какъ радосшь, неизмѣнной.
Цвѣшешъ въ душѣ швоей безцѣнной.

Наконецъ сняли маски. До шѣхъ поръ никшо не узналъ меня, кшо не зналъ прежде. Окинувъ глазами собраніе, можно было подумашь, чшо магической жезлъ перенесъ меня въ рай Магомешовъ. Парни, гдѣ кисшь швоя! Сшернъ, гдѣ швое перо! возможно ли живописашь подобно имъ всѣ прелесши, меня окружающія? По крайней мѣрѣ возможно изумляшься и молчашь подобно мнѣ. Между роями красавицъ здѣшнихъ, друзья мои, вы не безъ основанія могли бы спросишь, какимъ размѣромъ билось сердце вашего мечшашеля? не безъ основанія могъ бы я ошвѣчашь, чшо оно билось скорѣе Сафическимъ, нежели Александрійскимъ. И совѣшую вамъ, мои милые, если случай забросишъ васъ когда нибудь сюда, въ под-

ражаніе одному чудаку Петербургскому, носитъ прохладительную канфару на груди своей, какъ амулетъ противъ стрѣлъ Купидона.

Я былъ веселъ, потому что смотрѣлъ на все въ радужныя очки юности. Этотъ вечеръ будетъ записанъ красными чернилами въ календарѣ моей жизни; но пожалѣйте, други, о безпокойномъ духѣ моемъ, который всегда идетъ на встрѣчу къ непріятностямъ и шепчетъ мнѣ среди забавъ: удовольствія исчезнутъ какъ ракета, и лишь дымъ воспоминанія ляжетъ на сердцѣ.

Ахъ! если радости земной
Сокроется очарованье,
И мнѣ безвременно, судьбой
Таится въ будущемъ страданье!
О молодость! умчи съ собой
О счастіи воспоминанье!

Въ 3 часа утра новаго года, пожелавъ хозаевамъ счастія, мы отправились домой; и мнѣ еще на маковомъ зголовьѣ сна грезился маскарадъ, но — уже не маски.

Ревель, 4 Генваря.

Вы пѣняете, друзья, въ письмѣ своемъ, что я не пишу о городѣ; — странные люди! читая поэму Пушкина, спрашиваютъ ли о переплетѣ оной? — вдыхая благовоніе розъ, кто заботится о горшкѣ, въ которомъ онѣ разцвѣли? Но вы хотите того, и я, покорный велѣнію дружбы, выхожу изъ темной своей улицы (Dunkel-Strasze), и, горе вашему любопытству! если мое терпѣніе будетъ ему равняться, я не пощажу ни одного угла, ни одного переулка, ни одного карниза.

Всѣ улицы Ревельскія не прямы и такъ узки, что извощики обязаны ѣздить съ колокольчиками, дабы избѣжать встрѣчи. Любопытная и словоохотная кумушка черезъ нихъ легко можетъ видѣть все въ комнатѣ своей сосѣдки, счесть ея посуду и замѣтить даже, къ кому изъ гостей она ласковѣе. — Улицы кружатся, переплетаются, выходятъ другъ изъ друга, но ни одна другой, ни одна самой себѣ не слѣдуетъ. — Площадей только двѣ, и тѣ не велики, не правильны. Домы довольно высоки, съ пирамидальными кровлями (кры-

тыми цвѣтно-муравленною черепицею), съ разбросанными въ шахматъ окнами и дверьми. — Окна на улицу, очевидно, пробиты недавно, ибо въ военномъ городѣ, сиѣсненномъ уже для меньшаго объёма боевыхъ стѣнъ, опасно было въ случаѣ штурма подвергаться ярости осаждающихъ, открывая имъ дорогу въ домы. Купеческая расчетливость докончила то, что начала воинская осторожность: жилые покои всѣ обращены на дворы, а кладовыя на лице домовъ, для удобности къ складкѣ товаровъ.

Фонари висятъ посреди улицъ, на веревкахъ; зеленая краска, желѣзныя решетки, и черныя съ бѣлыми полосы около всѣхъ рамъ придаютъ какой-то мрачный видъ городу. Часто въ самомъ Ревелѣ встрѣчаешь ворота съ стрѣльницами. Говорятъ, будто онѣ устроены были во время междоусобій гражданъ съ гарнизономъ Вышгородскаго замка, всегда заняпаго чуждыми военными властями, — и это несправедливо. Не междоусобія, которыхъ не было, но опасеніе приступа воздвигло оныя. Не зная нынѣшнихъ редюитовъ и репранпшементовъ, тогда осажденные готовились

въ сердцѣ города оспоривать каждый шагъ побѣдителю, и каждый шагъ выкупать цѣною крови.

Сначала пріѣзда моего сюда, увидя на улицахъ, на крыльцахъ, въ сѣняхъ, разсѣянный ельникъ, я ужаснулся смертности Ревельцевъ, воображая, что здѣсь, какъ и у насъ, это служитъ признакомъ похоронъ! — ничего не бывало: ельникъ разсыпаютъ здѣсь для свѣжести воздуха и чистоты.

Нѣкоторыя окружныя стѣны теперь уже въ самомъ городѣ. Онѣ всѣ, равно какъ и домы, сложены изъ вывѣтрившейся плиты известняка, и мохъ лѣпится по трещинамъ ихъ. Готическія колокольни, почернѣвшія главы церквей, башенки висящія на многихъ городскихъ зданіяхъ, аркады воротъ — все это нравится въ самой неправильности, изумляетъ самою странностію. Вотъ очень пріятное зданіе, называемое Шведскимъ рынкомъ. Вотъ Ратуша Ревельская, гдѣ засѣдали нѣкогда богатые Рапсгеры первой эпохи сего города: судили гражданъ, толковали о дѣлахъ могущей Ганзы, отправляли товары Новогородскіе за море, и на желѣзной перчат-

кѣ звенѣли серебромъ Нѣмецкимъ и Русскимъ. Но Архангельскъ подорвалъ Ревель; Англичане и Голландцы склонили на свою сторону вѣсы счастія и торговли его. Городъ не уменьшился, но богатство онаго изсякло, наиболѣе теперь. — Ратуша стоитъ по прежнему, но торговля сѣверная не течетъ уже черезъ нее въ Европу.

Во всемъ округѣ Ревельскомъ ходятъ пергаментныя, мелкія (не свыше рубля) марки, выпускаемыя сею ратушею. На счетъ этихъ денегъ очень остро сказалъ нѣкто Ратсгеру, который хвалился, что клочки этой кожи, принося Думѣ много пользы, не стоятъ ей почти ничего; — я въ томъ увѣренъ, отвѣчалъ онъ: вамъ стоитъ только содрать кожу съ гражданъ, и деньги готовы.

Какая нужда мнѣ и вамъ, друзья мои, что въ Ревелѣ 1700 домовъ и близъ 12000 жителей; что въ немъ есть Гимназія, разныя маловажныя фабрики, модные магазины? — Есть ли тамъ древности, сохранились ли остатки прежнихъ укрѣпленій, бойницъ, церквей? говорятъ ли тамъ окрестности взору, а взоръ воображенію?

вотъ что хотите знать вы ; вотъ о чемъ я буду бесѣдовать.

Лучшій видъ Ревеля отъ воротъ Систер - фортскихъ ; слѣва на отвѣсной скалѣ, надъ бездною, виситъ домъ Графа Штейнбока , и печальный цвѣтъ подножія дѣлаетъ разительный контрастъ съ его бѣлизною. Далѣе , огромная стѣна замка Вышегородскаго дремлетъ на превысокихъ утесахъ ; на ней смѣлыя башни, индѣ полуразвалившіяся , поросшія дикими растѣніями, возвышаютъ зубчатыя главы свои, запечатлѣнныя непогодами шести вѣковъ. — Отъ морскихъ воротъ, картина оживляется близостію моря, свинцовыми валами плещущаго въ оледенѣлые берега ; и лишь черные вороны, лишь жадныя чайки вьются надъ водою и пронзительнымъ крикомъ своимъ пробуждаютъ эхо развалинъ прибрежныхъ. Вдали — на синевѣ моря , подъ завѣсою дымныхъ шумановъ , висятъ, будто снѣжныя облака , острова : Наргенъ и Вульфъ. — Въ гаваняхъ, безоружные корабли , — кругомъ бастіоны и башни, Екатеринен-таль (3) и всѣ форштаты Ревельскіе , облеченные пушистымъ

одѣяломъ зимы, и все это слушеніе старины съ сущностію восбуждаетъ во мнѣ мысли Оссіановскія. Погруженный въ его думы подъ сими древними раскатами, я, внимая теченію вѣковъ давно минувшихъ, не замѣчаю полета настоящихъ минутъ.

Однако же, друзья мои, лѣнивый философъ вашъ взоромъ не одного воображенія измѣрялъ стѣны Ревельскія. Между тѣмъ, какъ мечты увлекали сердце, любопытство искало историческихъ истинъ, народныхъ преданій, даже басенныхъ вымысловъ; память сохраняла ихъ, а разумъ отличалъ ложное отъ былаго. Снисхожденію вашему остается выслушать разсказъ мой; — онъ будетъ не дологъ, потому что не лѣта, а важные случаи лѣтъ знаменуютъ исторію. При томъ дѣло идетъ не о событіяхъ всей Ливоніи, а только Ревеля. Я начинаю:

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Ревель, Декабря 1820 года.

Вальдемаръ II, Король Даніи, Государь столь же храбрый, какъ и суевѣрный, горя желаніемъ омыть грѣхи буйной жизни своей кровію идолопоклонниковъ, далъ обѣщаніе обратить въ христіанство жителей Эстоніи; переплылъ моря съ отборною дружиною своихъ воиновъ, соединился съ Нѣмцами и Литвою (4), поразилъ въ жестокомъ бою жителей поморья и порабощилъ ихъ власти своей. — Въ тѣ времена Феодализма, когда и законная власть ограждала себя рвами и башнями, какъ могли хищники - завоеватели, безъ каменныхъ твердынь спрашить другихъ, не трепетавъ сами? Датчане знали это — и скоро подъ ихъ рукою воздвиглись укрѣпленія Ревельскаго замка, Нѣмцами Dom, а Русскими Вышегородомъ именуемаго, въ 1219 году отъ Р. Х.

Едва успѣли Датчане укрѣпить городъ, сильное войско подступило къ стѣнамъ его: это были жители острова Эзеля. — Четырнадцать дней стояли они подъ Ре-

веремъ, разводили огни великіе, и грозились сжечь и бойцевъ и бойницы. — Датчане сдѣлали рѣшительную вылазку, бились долго и мужественно, поражали и падали; кровь струилась, число одолѣвало храбрость. — Нечаянный случай превратилъ судьбу сраженія: вѣтрила четырехъ кораблей купеческихъ забѣлѣлись на горизонтѣ, и Эзельцы, увидя ихъ, вообразили что Вальдемаръ везетъ войско для спасенія Ревеля, обратились въ бѣгство, въ безпорядкѣ метались на ладьи свои, и поспѣшно уплыли на Эзель. — Датчане перевѣшали старѣйшинъ округовъ Іервена и Алленгакена за то, что они помогали врагамъ совѣтами и оружіемъ, а Эстонцевъ обложили тройною, противу прежняго, поголовною податью (въ 1219).

Русскіе, которые Ливонію давно считали своею областію, посылали въ нее звѣроловцевъ, имѣли на Двинѣ крѣпостцу (Кукейносъ), и брали дань съ жителей, съ самыхъ Рыцарей Германскихъ, тамъ поселившихся, (5) весьма удивились нежданому господству Датскому. — Въ 1223 году Ярославъ, Князь Новогородскій, явил-

ся со многочисленною ратью подъ стѣнами юнаго Ревеля: — четыре недѣли облежалъ городъ, металъ стрѣлы и каменья; но, вѣроятно, имѣя недостатокъ въ стѣнобитныхъ орудіяхъ, не могъ взять его, и безъ успѣха возвратился домой, съ плѣнниками, съ золотомъ, награбленнымъ въ окрестностяхъ. Жители Эстоніи соединялись съ нимъ во время осады и ревностно, хотя тщетно, помогали Русскимъ.

Въ 1238 году, купцы Любека и Бремена, привлеченные молвою и надеждою корысти къ Ревелю, испросили у Вольдемара II позволеніе селиться близъ укрѣпленій замка, и, обогащенные выгодами, остались тамъ навсегда. — Скоро новый городъ слился стѣнами съ старымъ въ одну окружность, а выгодное мѣстное положеніе онаго, въ торговомъ отношеніи ко всей сѣверной Европѣ, возвело Ревель на степень именитыхъ городовъ Ганзейскихъ. (6)

Между тѣмъ Орденъ изъ гостя Ливоніи становился ея властелиномъ; еще звался данникомъ Россіи — и бралъ дань съ оброчниковъ Русскихъ; кланялся Великимъ

Князьямъ — и грабилъ ихъ области; обижалъ промышленниковъ на Чудскомъ озерѣ, на Наровѣ, купцевъ нашихъ въ своихъ городахъ. Недовольный покореніемъ идолопоклонниковъ, онъ оттпоргалъ и христіянскія земли. — Въ 1223 году, пользуясь несчастіемъ своего сподвижника Вольдемара, заключеннаго Графомъ Шверинымъ, за обольщеніе его жены, въ замкѣ Данненбергскомъ, Епископы и Рыцари захватили самый Ревель. Но, при соединеніи Меченосцевъ къ Ордену Тевтоническому (въ 1237 году) Папа непремѣнно и справедливо требовалъ отъ нихъ, чтобы Вольдемару возвращены были прежнія владѣнія. — Невольно и съ сожалѣніемъ отдали ему Рыцари Везенбергъ, Нарву (?) и Ревель, значительно ими укрѣпленный; и воспламененные перунами Ватикана, противу Русскихъ обратили свое оружіе. — Наконецъ и Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ) впалъ въ руки крестоносцевъ Ливонскихъ (въ 1224 году). — Мужественный Князь Вячко, защищаясь въ немъ противу двадцати-тысячной Альбертовой арміи, съ горстью обреченцевъ смерти, палъ какъ Леонидъ. Одинъ только

Боярин Суздальской спасся изо всей дружины его, чтобы возвѣстить Новугороду и потомству о геройскомъ подвигѣ.

Русскіе мстили огнемъ и мечемъ Ордену: Посадникъ Симеонъ разбилъ Нѣмецкаго воеводу Трунду; Князь Литовскій Давидъ (иначе Кастелланъ Гарденскій), предводя Псковитянами, разорилъ Эстонію до самаго Ревеля (1323 года). — Но и Меченосцы зломъ платили за зло, выжигая окрестности Изборска и Пскова.

Въ 1243 году Эстонцы, раздраженные угнетеніями новыхъ своихъ владѣльцевъ, подняли знамя свободы и мстительное желѣзо ихъ обагрилось кровью Нѣмецкою. Около двухъ тысячь дворянъ и Рыцарей заплатили головами за жестокость свою. Замки пылали, осада грозила Ревелю, и Датчане принуждены были просить помощи Орденской. Гермейстеръ Бернгардъ фонъ-Дрейлевенъ повелъ войско, сильное числомъ, местью и оружіемъ, противъ инсургентовъ. Эстонцы рѣшились умереть съ мечемъ въ рукѣ — и легли всѣ до одного неподалеку отъ Ревеля. Ихъ было 10,000. Совершенное рабство всѣхъ Ливонцевъ

было слѣдствіемъ сего благороднаго поступка, достойнаго Спарты и Гельвеціи.

Въ это время вся Эстонія наводнилась властію Ордена: Ревель все еще принадлежалъ Датчанамъ. Наконецъ Вольдемаръ III, тѣснимый Шведами, расхищаемый Рыцарями, увидѣлъ невозможность сохранить желѣзомъ область, которую желѣзомъ пріобрѣли его дѣды — и рѣшился промѣнять оную на золото. — Нѣмцы, купивъ Эстонію вмѣстѣ съ Ревелемъ за 19,000 марокъ (въ 1346 году), поселились въ его окрестностяхъ и смѣшались съ земляками своими, обитателями города; настроили крѣпкихъ замковъ; рѣзались, мирились, торговали съ Русскими. Часто мирныя ладьи Рыцарскія носили страхъ грабежа не берега Невы и Волхова; но часто бранные шлемы ихъ обращались въ вѣсовыя чашки — и раповищемъ копья измѣрялись ткани привозныя: ибо разбой на водѣ и на сухомъ пути заставлялъ самыхъ купцевъ облекаться въ панцыри, а безданная торговля и береговое право заманивали въ торговлю дворянъ и Рыцарей.

Однако удалые наѣздники Русскіе не да-

вали ржавѣть мечамъ крестоносцевъ: какъ снѣгъ, налетали они отъ Ладоги, Пскова, Новагорода на поля Эстоніи; жгли и палили все, что имѣло видъ существованія; истребляли замки, брали города, и, съ награбленнымъ добромъ, увлекая стада и рои плѣнниковъ, исчезали, какъ губительная молнія. Ливонія долго будетъ помнить щитъ - истребитель (7) Князей Булгака и Оболенскаго, Щени и Пенко, Глинскаго, Мстиславскаго, Серебрянаго, Шигъ-Алея. Напрасно заключались мирные договоры; наслѣдная вражда тлѣла подъ дружелюбными харшіями, вдругъ вспыхивала и разливала пламя войны, не всегда счастливой для Россіи, всегда вредной для Ордена. Нѣмцы видѣли въ Русскихъ опасныхъ враговъ; Русскіе въ Ливонской Республикѣ имѣли безпокойнаго сосѣда, который, страшась даже просвѣщенія Россіи, не допускалъ въ нее иноземныхъ художниковъ и Ученыхъ, Князьями и Царями выписываемыхъ.

Наконецъ отдохнула Ливонія подъ властію мудраго Плеттенберга. Имя его ограждало Рыцарскія границы отъ впаде-

нія Русскихъ, которые не забыли еще битвы при Магольмѣ (въ 1501 году). Но самъ Орденъ примѣтно ослабѣвалъ, утверждаясь не въ доблестяхъ, а въ развратѣ. Албрехтъ Бранденбургскій, Магистръ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи, принужденный уступить земли онаго Сигизмунду I, разрушеніемъ своего, осиротилъ Ливонскій (въ 1520 году). Введеніе Лютерова Исповѣданія, принесеннаго Андреемъ Кнеппеномъ и Сильвестромъ Тегельмейстеромъ въ Ригу (въ 1552 году), разсѣяло еще большія несогласія. — Граждане Ревеля скоро послѣдовали примѣру Рижцевъ — и Лютеранизмъ вдругъ обнялъ всю Эстонію. Конечно, не Философія и не просвѣщеніе помогли ему, но алчность Католическихъ Епископовъ и равнодушіе вышшихъ классовъ къ Вѣрѣ. О простомъ народѣ не думали. Онъ съ равнымъ безчувствіемъ слушалъ и Латинскія обѣдни и Нѣмецкія проповѣди; и еще долгое время едва ли треть Эстоніи имѣла церкви, едва ли треть церквей пасторовъ. — Дворянство Ливонское, составлявшее прежде только преимущественный (allodial) классъ подданныхъ (sujet, fief et vassal)

Ордена, сему политическому перевороту обязано своимъ независимымъ существованіемъ. — Черезъ покупку (на время) у Гермейстеровъ и Епископовъ земель, или пріобрѣтеніемъ оныхъ закладами отъ Рыцарей, арендами отъ Ордена, мало по малу входили они въ права наслѣдственныхъ владѣльцевъ; Гросмейстеръ Юнгингенъ (въ 1397 году) и нѣкоторые Епископы, въ особенности Сильвестръ (въ 1457 году), разширили права дворянства позволеніемъ наслѣдовать или передавать наслѣдіе до 5-колѣна обоихъ половъ. По разрушеніи Епископствъ, возрасли имѣнія и права дворянъ. Послѣ реформаціи явились они въ видѣ Коннаго сословія (Corpus equestrus), составляющаго уже часть Республики. Наконецъ Сигизмундъ скрѣпилъ законнымъ позволеніемъ всё то, что дворянство захватило случайностію. Въ эту же эпоху вассалы обратились въ крѣпостныхъ рабовъ владѣльцевъ своихъ, которые желѣзной рукой держали власть самоуправства, на землѣ и на водахъ (zu Landten und zu Wasser), какъ писались они.

Орденъ, ревностно покровительствуя

Люперову Исповѣданію, не перемѣнилъ однако же Религіи. Кажется, въ забвеніи обрядовъ Католическихъ состояла вся ихъ приверженность къ Вѣрѣ новой; и ни одинъ Историкъ не счелъ за важное упомянуть, когда Рыцари обратились въ Люперанство.

Между тѣмъ Грозный Іоаннъ, сокрушитель Ордена, уже царствовалъ, уже собиралъ отторженныя пришлецами области, — и неплатежъ дани, извѣстной у Нѣмцевъ подъ именемъ Glaubens-Zins, подалъ случай къ новымъ боямъ съ Рыцарями. Годъ 1558й былъ вѣстникомъ ихъ паденія: — двадцать городовъ Ливонскихъ пали въ прахъ передъ воеводами Русскими, и побѣдный мечь ихъ сверкалъ болѣе пяти разъ въ окружностяхъ Дерпта, Риги, Ревеля (8). Подъ самыми стѣнами сего послѣдняго Михаилъ Репнинъ и Дмитрій Курлятевъ смяли крестоносные эскадроны, а въ 1560 году Князья Курбскій и Адашевъ сожгли замокъ Фег-Фейеръ, принадлежавшій Епископу Ревельскому. — Юный Кетлеръ, послѣдній Гермейстеръ дряхлѣющаго Ордена, не могъ своею дерзостію вдохнуть ему новыхъ силъ, и, видя Русскихъ владѣ-

шелями Дерпта, Феллина, Везенберга, испытавъ свое безсиліе подъ Лаисомъ и въ битвѣ Эрмесской (въ 1560 году), не имѣлъ довольно твердости духа, чтобъ подражать предмѣстнику своему Фюрстенбергу, умершему и въ цѣпяхъ независимымъ (9); искалъ помощи у Сигизмунда, и постыдно промѣнялъ мантію Гермейстера на жезлъ Герцогства Курляндскаго и Семигальскаго, отдавъ Полякамъ Ригу. Гордость Рыцарей пробудилась для униженія: со слезами сложили они почетные знаки духовнаго своего Ордена, а самъ Орденъ, прежде столь знаменитый, исчезъ, какъ грозное привидѣніе.

Это произошло два года спустя послѣ конца власти Рыцарской въ Ревелѣ. Сей городъ, забытый, оставленный Гермейстеромъ, не однажды просилъ у него помощи, для сопротивленія Русскимъ, и не получалъ, ибо не могъ получить ее. Примѣръ Антона Тиля, Бургомистра Дерптскаго, Минина крестоносцевъ (10), не возбудилъ соревнованія въ закаленныхъ своекорыстіемъ сердцахъ его собратій. Въ 1561 году Ревельцы въ послѣдній разъ извѣ-

стили Орденъ о своей опасности, — и поддались Шведамъ при Королѣ Эрикѣ XIV.

Въ 1571 году Ревель, защищаемый Шведами, упорно противился соединеннымъ силамъ, Грознаго и Магнуса, минутнаго Царя небывалаго Царства Ливонскаго (11). Русскіе повели насыпи, прикатили деревянныя башни, громили городъ изъ великанскихъ пушекъ своихъ; но духъ осажденныхъ не упалъ вмѣстѣ съ стѣнами, — море доставляло имъ помощь и убѣжище. Ревель держался. Скоро хлынули дожди осенніе, взвилась зима надъ головой, приспѣли морозы; а нетерпѣливые ратники тѣхъ временъ не любили воевать съ снѣгами, съ вьюгами и надъ камнями пытать саблей своихъ. Войско роптало. Каленыя ядра и льстивыя обѣщанія повѣренныхъ Магнуса: измѣнниковъ Крузе и Таубе, оставались тщетны. Іоаннъ извѣрился; смерть казалась свободнымъ гражданамъ крашѣ подданства Царю грозному, и воеводы Московскіе, Бояринъ Яковлевъ, Князья Кропоткинъ и Лыковъ не могли, ибо не умѣли, взять города; только буйствовали въ окрестностяхъ, взорвали монастырь Св. Бригитты, и сняли

осаду. Магнусъ со стыдомъ ушелъ въ Оберпаленъ; Русскіе двинулись на Югъ Ливоніи не безъ добычи, но безъ славы.

Скоро новая гроза грянула надъ Ревелемъ. Въ бурную зиму 1557 года пятидесяти-тысячное войско Іоанново облегло городъ. Въ концѣ Генваря открылся огонь съ батарей осадныхъ, и домы Ревельскіе запылали, твердыни рушились. Но воеводы (Князья: Мстиславскій, Ростовскій, Шереметевъ,) считаясь въ старшинствѣ, безъ пользы теряли людей въ окопахъ отъ стужи, въ полѣ отъ вылазокъ непріятельскихъ, и не отважились ни на что рѣшительное. Шереметевъ (Иванъ) обѣщалъ взять городъ или умереть, и сложилъ голову, не взявъ онаго. Между тѣмъ Ревельцы были въ крайности: ждали помощи съ моря и видѣли одни трупы союзниковъ; но вихри и мятели, отнимая надежду у нихъ, отнимали смѣлость и у Русскихъ. Горнъ, (Комендантъ города) вѣдалъ, что вожди Грознаго ненавидятъ другъ друга, а войска имъ не вѣрятъ — и отвергалъ предложенія сдачи. Россіяне удалились.

Счастіе привлекаетъ друзей, неудачи

множатъ непріятелей. Шенкенбергъ, прозванный Аннибаломъ, сынъ Ревельскаго ремесленника, предводя толпами крестьянъ, преслѣдовалъ шестинедѣльною осадою утомленныхъ Россіянъ, даже отнималъ города, бралъ наши замки, мучилъ, терзалъ плѣнниковъ. Онъ кончилъ жизнь на Псковской висѣлицѣ; но въ тѣ времена и Герои спасители отечества гибли на плахѣ.

Въ 1590 году, Іоаннъ III, Король Шведскій, воюя несчастливо противу Царя Ѳеодора, потерялъ въ одномъ Ревелѣ 6000 человѣкъ, отъ холода и болѣзней.

По смерти Баторія, Сигизмундъ III, избранный вдругъ на престолъ Литвы и Швеціи, принялъ сначала скипетръ Польши, съ обѣщаніемъ присовокупить къ ней Эстонію и съ Ревелемъ. Карлъ, Герцогъ Зюйдерманландскій, Регентъ Королевства, сорвалъ съ него корону, которую хотѣлъ онъ раздробить, и самъ облекся въ порфиру Швеціи, подъ именемъ Карла IX. Въ 1600 году онъ высадилъ въ Ревелѣ противу Сигизмунда 9000 воиновъ, завоевалъ всю Ливонію; но въ 1605 году, разбитый Ходкевичемъ подъ высотами Кирхгольма, уже спѣ-

шилъ черезъ Ревель въ Стокгольмъ. Въ этомъ сраженіи Карлъ обязанъ былъ спасеніемъ жизни Ливонскому дворянину Генриху Вреде, который отдавъ ему лошадь свою, былъ изрубленъ Поляками.

Полтора вѣка владѣли Шведы симъ древнимъ наслѣдіемъ Россіи. Эстоніею, какъ воротами, вторгались они въ сердце нашего отечества, проникали за Новгородъ, и мечемъ пожинали то, что забылъ истребить огонь Польскій. Но времена переходчивы! Россіяне, предводимые преобразовательнымъ духомъ Петра, ударами Шведовъ научились поражать ихъ самихъ, и скоро втоптали прежнихъ своихъ побѣдителей въ ущелья Финляндіи. Нарва пала; Рига склонилась къ стопамъ Исполина-Царя, — и власть Русскихъ, подобно морю, обтекла кругомъ Ревеля: онъ стоялъ крѣпко. Комендантомъ города былъ тогда неколебимый Паткуль, братъ Паткуля, знаменитаго своими бѣдствіями. Тщетно надвигались съ моря и съ суши силы Русскія, напрасно грозили баттареи разрушеніемъ — онъ спокойно смотрѣлъ на вспающіе раскаты предъ бастіонами

своими — и готовился къ отчаянной оборонѣ, какой Кошкаровъ въ Лаисѣ и Икскуль фонъ-Паденормъ въ Нейгаузенѣ дали ему славные примѣры (12). Къ несчастію, въ городѣ, отъ множества окрестныхъ жителей, туда сокрывшихся, оказалась язва; недостатокъ воды довершилъ бѣдствіе: Русскіе отвели ее въ сторону, перекопавъ древній каменный водопроводъ, напояющій изъ, такъ называемаго, бумажнаго озера (собственно Oberst-See) весь городъ. Ропотъ разлился въ народѣ и гарнизонѣ; Паткуль видѣлъ это, терпѣлъ самъ — и не сдавался. Но силы гражданъ истощились, жажда физическая превозмогла жажду славы, и всѣ Бургомистры, Рапсгеры, старѣйшины Ревельскіе, не смотря на Коменданта, послали депутацію къ побѣдителю и отдали ему ключи города въ замѣну ключей водныхъ. Капитуляція конфирмована была Великимъ Петромъ 29 Сентября 1710 года — и Подполковникъ Зотовъ (13) смѣнилъ храбраго Паткуля.

Съ тѣхъ поръ Эстонія наслаждается ненарушимымъ спокойствіемъ, и Ревель не видалъ дыму вражескаго на поляхъ

окружныхъ. Только въ 1790 году Шведскій флотъ, состоявшій изъ 23 кораблей и 8 фрегатовъ, явился подъ пушками дальнихъ батарей Ревельскихъ, въ намѣреніи взять городъ; но Адмиралъ Чичаговъ нажидалъ его съ 10 кораблями, сражался три часа, удачно отразилъ напоръ авангарда, и Шведы вдругъ обратились назадъ, спрашась, чтобы перемѣняющійся вѣтръ не заперъ имъ выхода.

Полторы тысячи убитыми и два корабля, изъ коихъ одинъ сожженъ, а другой взятъ въ плѣнъ, составляли уронъ Шведовъ; они столь увѣрены были въ успѣхѣ своего предпріятія, что заготовили пригласительные билеты на ужинъ, который предполагали дать въ Екатериненталѣ (14).

На вопросъ о нравахъ жителей Ревельскихъ въ особенности, лѣтопись Ливоніи безотвѣтна. Впрочемъ описаніе домашней жизни обитателей Вендена (столицы Гермейстеровъ), Дерпта и Риги можетъ намъ вѣрно показать ихъ обычаи. Сначала смиреніе и бѣдность были девизомъ крестоносцевъ Ливонскихъ, но въ послѣдствіи

они оставили ихъ вассаламъ своимъ. Промѣняли полотно и замшу Рыцарскихъ одеждъ сперва на камлотъ, потомъ на сукно, наконецъ на бархатъ (15). Украсили женъ своихъ перлами и дорогими алмазами, а сами охотнѣе наряжались въ золотыя цѣпи, нежели въ стальной кирасъ. Роскошь взошла до неимовѣрной степени: Фохтъ Вейсенштейна, фонъ-Туйленъ, носилъ на шеѣ цѣпочку въ 21 фунтъ изъ чистаго золота. Одинъ Командоръ Ревельскій не иначе проѣзжалъ по городу, какъ съ тремя конными богатоубранными трубачами, возвѣщавшими его поѣздъ, и головной уборъ дѣвицы Тизенгаузенъ, невѣсты какого-то Рингенскаго помѣщика, цѣнился во сто тысячь рейхсталеровъ. Со всемъ тѣмъ Ливонія, знаменитая въ отношеніяхъ торговомъ и военномъ, не была таковою въ просвѣщеніи. Блескъ золотыхъ парчей и сіяніе роскоши не освѣтили умомъ Рыцарей, дворянъ и Духовныхъ, погрязшихъ въ грубомъ невѣжествѣ. Они расточались на лошадей, соколовъ, собакъ, и даже въ церковь ходили съ сими послѣдними. Повѣсивъ мечь и крестъ на

стѣну, Рыцари съ крушками въ рукахъ, подвизались на поприщѣ разврата, и напрасно въ заморскихъ винахъ искали мужества предковъ своихъ. Буйствомъ встрѣчали дни, въ питьѣ провождали ночи. Шахматы, кости, шашки и родъ биліарда, Pilken-Tafel называемаго, были ихъ занятіемъ; чудесныя пляски и фигляры ихъ увеселеніемъ. Каждыя крестины, каждая свадьба подавали новыя причины къ пирамъ, и со всѣхъ концевъ спекались на оныя дворянство и рыцарство. Встрѣчали далеко за городомъ невѣсту, которая едва передвигалась, задавленная множествомъ тяжелыхъ украшеній, и на богатоубранныхъ коняхъ скакали кругомъ колесницы ея. Ломились столы отъ серебряной посуды, въ ожиданіи гостей, которые уже готовились состязаться на поприщѣ пресыщенія. Кельхъ сохранилъ намъ описаніе одного постнаго обѣда, Ревельскимъ Епископомъ на турнирѣ даннаго: оный состоялъ изъ 50 различныхъ блюдъ. Тогда братья Ордена забыли уже предковъ своихъ, которые однимъ картофелемъ угощали Епископовъ!

По роду жизни дворянъ и Рыцарей можно судить о развратѣ ихъ нравовъ. Безнаказанность преступленія произвела торжество порока. Не стало узъ священныхъ, однѣ желанія обратились въ законы. Рыцари бросали женъ своихъ и брали многихъ наложницъ — позабывъ и честь и Вѣру; — а гдѣ онѣ безъ уваженія, тамъ всѣ страсти безъ узды. Въ 15 вѣкѣ, нѣкто Тизенгаузенъ утопилъ въ мѣшкѣ сестру свою за то, что она желала вступить въ бракъ съ его секретаремъ!

Мѣщане, купцы и всѣ граждане Ревеля, въ подражаніе высшимъ классамъ, едва ли не превосходили своихъ учителей; цвѣтущая Ганза доставляла имъ средства для роскоши, а примѣръ дворянъ воспламенялъ ее. Вѣчные праздники царствовали въ городахъ и замкахъ; вѣчныя слезы въ деревняхъ. »Эстонія была тогда земнымъ раемъ!» восклицаетъ Люденій. Конечно, онъ не былъ вассаломъ. Вся тягота налоговъ, работъ и войны падала на бѣдныхъ обитателей Эстоніи, коихъ владѣльцы мучили изъ прихотей.

Первая народная школа учреждена была на Вышгородѣ Королемъ Датскимъ Эрикомъ VIII, еще въ 1319 году; но это не препятствовало большей части жителей Ревельскихъ быть безграмотными. Языкъ, употребительный у дворянъ, былъ такъ называемый Plat-deutsch. Дипломатическія бумаги до XVI вѣка писались всѣ по-Латини; но съ 1511 года, по-Нѣмецки, нарѣчіемъ, какимъ писалъ Рюссовъ. Ревель не произвелъ ни одного Поэта; да и во всей Ливоніи, исключая Хроникъ, до XVIII вѣка совсѣмъ не было Писателей.

Эстонское нарѣчіе Ревельскаго округа считается самымъ правильнымъ и чистымъ.

Ревель былъ Командорствомъ Ордена; въ немъ всегда жили: одинъ Командоръ и одинъ Епископъ; послѣдній сверхъ сего имѣлъ во владѣніи замки Фег-Фейеръ и Борхгольмъ. Ревель имѣлъ право чеканить монету съ весьма давняго времени. Эту привилегію пожаловала ему Датская Королева Маргарита Самбиріа, съ приказаніемъ, дѣлать монеты съ ушками, въ 1266 году.

Наконецъ замѣтимъ, что жители Ре-

вельскіе, переходя изъ-подъ одной власти подъ другую, не престáвали быть вольными, сохранили свой отличительной характеръ честности въ политическомъ быту, Любекскіе законы въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и всегда своимъ согласіемъ скрѣпляли договоры, начертанные рукою побѣдителя или необходимости.

Вотъ и вся достопамятная хроника столицы Эстонской! Она, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ мѣсто въ лѣтописяхъ нашего отечества, ибо имѣла сильное вліяніе на судьбу сѣверныхъ ея областей. При томъ столь близкое сосѣдство наше съ Рыцарями креста и меча, съ сими дворянами Божіими, какъ звали ихъ Русскіе, даетъ ей какую-то особенную привлекательность, какой-то романической характеръ, можетъ статься, слишкомъ бѣдный для ума, но еще роскошный для воображенія. Сіи башни, лелѣянныя вѣками, сіи бойницы, поросшія мхомъ древности, сіи развалины замковъ Рыцарскихъ, вблизи и вдалекѣ отъ Ревеля разбросанныхъ — невольно погружаютъ въ думу; вѣки,

давно протекшіе, мелькаютъ въ туманахъ воспоминанія, и съ ними вьется въ душѣ грустное предчувствіе будущаго.

Нынѣ безпрестанныя вьюги и бездонные снѣга помѣшали мнѣ осмотрѣть окрестныя развалины. Значущихъ нѣтъ ближе 50 верстъ. Прочія уступили свое мѣсто новымъ дачамъ. По неволѣ до будущаго лѣта усмирилъ я кипящее любопытство свое, а тогда, если возможно будетъ, друзья мои, возвращеніе мое въ Ревель, я опишу вамъ остатки гордаго замка Везенберга, Падис-Клостера, Борхгольма, Фег-Фейера и другихъ. По названію сего послѣдняго (Vegfeuer) Чистилищемъ, вы можете догадаться, что онъ принадлежалъ Епископамъ, которые, соединивъ въ себѣ власть воинскую и духовную, владѣли умами безнравными, для земныхъ выгодъ преграждали небо, и золотомъ разрѣшали узлы преступной совѣсти. Но скоро могущество ихъ, ослабленное примѣрами ихъ жизни, упало; споръ за преимущества, за одежду, дѣлежъ береговаго права и захватываніе чужихъ земель производили частыя ссоры между Епископами и Рыцарями, и, случалось, что

раздраженные братья Ордена осаждали ихъ замки; осыпаемые градомъ камней и проклятій, взбирались на гребни стѣнъ, и тогда все падало подъ сокрушительнымъ ихъ оружіемъ, все исчезало подъ пламенемъ мести. Бывали не разъ безуспѣшны предпріятія Рыцарей; и не разъ случалось имъ, возвращаясь къ замкамъ своимъ, находить оные въ пеплѣ отъ факеловъ Епископскихъ.

Въ четырехъ верстахъ отъ Ревеля по Нарвской дорогѣ, возвышаются развалины монастыря Св. Бригитты, Эрикомъ V построеннаго. Одна башня и нѣсколько стѣнъ пережили разрушеніе прочихъ. Индѣ полурухнувшіе своды грозятъ любопытному страннику; тлѣніе сѣетъ на нихъ кудрявые мхи. Сказываютъ, что подземной ходъ (16) простирался отъ сего мужскаго монастыря въ монастырь женскій, среди Нижгорода существовавшій. Не ручаюсь за это преданіе; но за вѣрное выдаю, что подземелья сіи существовали, ибо выходы оныхъ не обрушены до сихъ поръ; запоздалый суевѣръ, олицетворяя воображеніемъ старинныя сказки, мнитъ видѣть тамъ блуждающія привидѣнія, и спѣшитъ, мимо

слѣдимый собственною боязнію. Воинство Грознаго, осаждая Ревель, взорвало сей монастырь, и съ тѣхъ поръ опрокинутыя стѣны его лежатъ въ заплывшихъ рвахъ на память Католицизма и посѣщенія Русскихъ; съ тѣхъ поръ (какъ говоритъ юный поэтъ нашъ) (17)

„Не смѣла времени коснуться къ нимъ рука,
„И возлегли на нихъ усталые вѣка! —“

По дорогѣ къ Пернау, не вдалекѣ отъ города, склоняются къ землѣ: огромный деревянный крестъ и два небольшихъ каменныхъ, поставленные въ воспоминаніе нѣсколькихъ Шварцен - Гейптеровъ, убитыхъ на этомъ мѣстѣ въ стычкѣ съ Русскими наѣздниками (въ 1545 году). Нѣмцы говорятъ, что они остались побѣдителями, и я вѣрю; однако же, видно, это было для нихъ большою рѣдкостію, потому что въ залѣ Черноголовыхъ брапьевъ есть картина, представляющая въ разныхъ видахъ столь ничтожное дѣло.

Теперь обратимся къ самому Ревелю. — А что значитъ слово Ревель? восклицаете вы; откуда взялось оно? почему и когда

обратилось въ прозваніе города? »Признаюсь, друзья мои, на эти вопросы врядъ ли самые старожилы Ревельскіе могутъ отвѣчать съ увѣренностію. Правда, многіе Антикваріи утверждаютъ, будто имя Reval происходитъ отъ сокращенія слова Regen-val, т. е. паденія дождя: но какъ сей феноменъ тамъ очень не рѣдокъ, то и весьма трудно предположить, будто бы дождь былъ девизомъ первыхъ строителей сего города; и только подъ этимологическимъ молоткомъ г-дъ корнеискателей могло оно зазвучать подобнымъ образомъ. Другое преданіе, болѣе общее, но едва ли болѣе справедливое, говоритъ, что Вальдемаръ II, преслѣдуя дикую козу, вонзилъ въ нее стрѣлу: она сверглась съ утеса, на которомъ стоитъ теперь замокъ и, что Король, въ память сего случая, назвалъ будущій городъ Ревалемъ, отъ слова Ree-val, т. е. паденіе серны; но, кажется, самое вѣроятное есть то, что имя Ревеля проистекаетъ отъ многихъ грядъ подводныхъ камней, по всѣмъ направленіямъ рейды его окружающихъ. Гряды сіи по-Англійски называются Reaf, по-Нѣмецки и Датски Rief,

откуда и къ намъ перешли съ природнымъ названіемъ рифовъ.

Что касается до Русскаго прозвища Ревеля Колыванемъ: происхожденіе онаго неизвѣстно. Баронъ Шафировъ, Окольничій Петра Великаго, съ весьма остроумною политикою, произвелъ имя Колываня отъ кола (т. е. ограды) Ивана (18). Но мнѣ кажется ненужнымъ искать тому причинъ столь высоко; и вотъ каково о томъ мнѣніе Профессора Рикерса, съ которымъ я бесѣдовалъ о всемъ, до Ревеля касающемся. »Русскіе, приходя къ окружнымъ жителямъ Ревельскимъ, говорилъ онъ, и неразумѣя нарѣчія страны, въ насмѣшку называли ихъ какимъ-нибудь страннымъ для слуха своего словомъ. Kule-wana (т. е. послушай, старикъ! послушай, братъ!) есть самый употребительный терминъ языка Эстонскаго; и такъ мудрено ли, что, называя Эстонцевъ Кулеванами, они передали имя обитателей города самому городу?» Въ самомъ дѣлѣ, Русскіе простолюдины и теперь зовутъ Эстонцевъ Кулями и Кулицами отъ слова Kule; точно также и Англичанъ кличутъ они Асеями отъ слова

Y'say (я говорю). Но оставимъ подобныя изысканія въ жертву пыли архивной, чтобы самимъ не сдѣлаться жертвою скуки, и обратимся къ древностямъ города. Взоръ памяти ведетъ меня на стѣны замка Вышегородскаго. Зима, облекая въ пушистый снѣгъ башни и раскаты, кажется, говоритъ: »они отжили красное лѣто свое.» Здѣсь-то, шесть вѣковъ назадъ, безстрашные Датчане красовались трофеями, воспѣвали подвиги свои въ пѣсняхъ побѣдныхъ, и черезъ синее море стремили взоры къ отчизнѣ, гдѣ ждало ихъ сердце любезной и тихій очагъ родины. Здѣсь звучалъ призывный рогъ эскадроновъ Рыцарскихъ, возвращавшихся съ бою, или съ разъѣзда, или изъ дальнаго похода Германскаго; и подъемный мостъ, гремя тяжкими цѣпями, ложился къ ногамъ нетерпѣливыхъ всадниковъ, и мочные переклады его, зыблясь, скрыпѣли подъ копытами усталыхъ коней. Въ сіи-то каменныя забрала вонзались нѣкогда стрѣлы Новогородскія и багрили ихъ кровью Датчанъ и Нѣмцевъ: вотъ башня, въ которой остались ядра наши со временъ Грознаго. Не смотря на глу-

бокій снѣгъ, я вскарабкался на валъ, и поклонился землякамъ своимъ. Сіи ядра каменныя, кажется, изъ дикаго гранита, округлены весьма хорошо; величиной будутъ съ 96-фунтовое каронадное ядро, и почти всѣ (числомъ 8 или 9) врѣзались на одной линіи весьма высоко отъ горизонта земли. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ стѣну совсѣмъ, другія вписнуты только до половины.

Могу ли живописать, друзья мои, прелестные виды, которые безграничною панорамою раскидываются передъ глазами, съ холма Вышегородскаго! Безмолвенъ схожу я съ высокихъ стѣнъ его, озираясь на рядъ круглыхъ и четвероугольныхъ башенъ, вѣнчающихъ замокъ. По нимъ изрѣдка вьется одинокая ива, или чахлый репейникъ, тихо бесѣдуя съ вѣтромъ мимолетнымъ.

Вотъ церковь Богородицы Рижской, собственно Dom-Kirche называемая. Войдемъ въ нее, посмотрѣть на гробницу знаменитаго Понта Де-ла-Гардія, котораго суевѣріе изгнало изъ его отечества, Франціи, счастіе увѣнчало славою искуснаго полко-

водца, а ничтожныя почести были виною смерти. Коммендантъ Нарвы, желая доказать свое усердіе къ побѣдителямъ Русскихъ, на возвратномъ пути ихъ въ Стокгольмъ, приготовилъ, для переѣзда Де-ла-Гардія черезъ Нарову, шнеку, отягощенную украшеніями и пушками. Едва выѣхалъ онъ на средину рѣки, почетные выстрѣлы раздались съ крѣпости; отвѣтный залпъ полетѣлъ со шнеки: онъ былъ послѣднимъ. Старое судно, треснувъ отъ удара, пошло ко дну; волны поглотили героя. Тѣло его переняли уже на другой день, перевезли въ Ревель, и здѣсь неизмѣнная отчизна, земля, простерла къ изгнаннику хладныя свои объятія. Придѣлъ церкви скрываетъ въ себѣ весьма простую каменную его гробницу. Тамъ же похороненъ извѣстный храбростію въ войнѣ со Шведами Адмиралъ Самуилъ Грейгъ; богатое надгробіе возвышается надъ прахомъ его. Нѣсколько шаговъ раздѣляютъ два вѣка, двѣ знаменитыя эпохи нашей Исторіи: междуцарствіе и Де-ла-Гардій! Грейгъ и Россіяне на скалахъ Свеаборга! Какая утѣшительная параллель.

Болѣе въ Dom-Kirche ничего нѣтъ замѣчательнаго: и хотя она заложена была Вольдемаромъ II, основателемъ города, пожаръ истребилъ старинное зданіе; а это, воздвигнутое въ 1683 году, принадлежитъ не къ древней, но къ средней готической архитектурѣ.

Заглянувъ мелькомъ въ Рыцарской домъ (Ritter-Haus), гдѣ теперь дворянская зала и присутственныя мѣста, мы не найдемъ пищи любопытству; одни гербы напоминаютъ тамъ о существованіи Ордена, а все прочее замѣнилось настоящимъ вкусомъ. Передъ этимъ домомъ, на небольшой площади, учреждались въ старину турниры; здѣсь копья Рыцарей ломались о желѣзную грудь сопротивниковъ; здѣсь серебряный голубь на зыбкомъ шестѣ ожидалъ смертнаго удара, или скользкій шаръ манилъ и обманывалъ руку опытнаго ѣздока. Исторія сохранила только одинъ разсказъ о турнирѣ, здѣсь бывшемъ въ 1538 году. Всѣ Ливонскіе Рыцари и дворяне съѣхались на оной; самъ Гермейстеръ Брюггеней на немъ присутствовалъ; праздникъ начался пированьемъ, турниръ кончился битвою. Неизвѣстный Рыцарь, въ блестя-

щихъ латахъ, съ опущеннымъ наличникомъ, птицей влетѣлъ за рѣшетку, крутился по ристалищу на бурномъ конѣ, и вызывную перчатку повергъ передъ первымъ бойцемъ изъ лучшихъ Рыцарей. Взоры всѣхъ устремились на невѣдомаго смѣльчака: противники разскакались, взяли стремена и, опустивъ копья, понеслись на встрѣчу другъ друга. Громко звукнули тяжкія латы; Рыцарь Ревельскій вылетѣлъ изъ сѣдла и, оглушенный ударомъ неизвѣстнаго, простерся на землѣ, покрытый стыдомъ и прахомъ. Рукоплесканія огласили неизвѣстнаго Рыцаря побѣдителемъ, и Герольдъ возвѣстилъ, что онъ выигралъ призъ. Однако, принимая оный изъ рукъ Гермейстера, должно было открыть лице свое: побѣдитель долго не соглашался, медлилъ и наконецъ тихо поднялъ забрало шлема: — кто опишетъ изумленіе всѣхъ Рыцарей? передъ ними стоялъ простой торговецъ Ревельскій! Въ порывѣ оскорбленной гордости возвѣстили они, что впередъ, кромѣ братьевъ Ордена, никто не будетъ впущенъ за рѣшетку. Дворяне и всѣ именитые жильцы города, уни-

женные симъ исключеніемъ изъ турнира, горячо вступились за честь свою. Обѣ стороны требовали: ни одна не хотѣла уступить; спорили, грозили; отъ словъ дошло до ударовъ, и бой завязался: Рыцари смѣшались съ дворянами, съ Шварцен-Гейпперами; копьями поражали другъ друга, рубились и кололись мечами.

Испуганный Гермейстеръ просилъ, уговаривалъ, повелѣвалъ — его не слушали; повергъ шляпу, даже мантію на ристалище, въ знакъ окончанія турнира — никто не замѣчалъ этаго. Наконецъ Бургомистру Фегезаку, человѣку всѣми уважаемому, удалось возстановить спокойствіе. Противники разстались, грозя другъ другу — и побоище кончилось смертію и ранами многихъ. —

Бывшій дворецъ Королей Шведскихъ занятъ теперь коронными присутственными мѣстами. Въ немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ древности, и я поведу васъ отъ разрушающихся бойницъ Вышгорода въ Нижгородъ, сквозь нависшія подъ башнею ворота. Было время, когда, послѣ вечерней зари, они запворялись на всю ночь, и за-

поздавшій за дружнимъ стаканомъ Выш-городецъ долженъ былъ платить пошли-ку (Speer-Geld), чтобы пройти домой. Теперь уже нѣтъ скрыпучихъ половницъ, окованныхъ дебелыми полосами желѣза; но пяжкіе пробои, на которыхъ вращались онѣ, существуютъ понынѣ.

Скатная, узкая улица между огромною стѣною и прекраснымъ домомъ Г. Кольбарса, стоящимъ на крутой горѣ, (Blocks-Berg называемой) проводитъ насъ къ лабиринту улицъ Нижгородскихъ. Теперь я хочу разсказать вамъ исторію новыхъ воротъ (Schmidt-Forst), которыя въ теченіе двухъ вѣковъ затворены были, какъ врата храма Януса. Вотъ тому причины:

Во время Феодальной власти Рыцарей надъ Эстоніею, жизнь и смерть подданныхъ заключались въ волѣ владѣльцевъ. Между сими послѣдними Икскуль, владѣтель Рейзенберга, отличался жестокостію къ вассаламъ своимъ. Не было границъ его тиранству, но были онѣ для терпѣнія человѣческаго. Должно замѣтить, что Ревель, въ силу законовъ, имъ сохраненныхъ, имѣлъ право каждое убійство, на городской

землѣ совершенное, отмщевать смертію убійцы. Икскуль не зналъ, или не хотѣлъ знать этаго, и въ самыхъ стѣнахъ города замучилъ на смерть одного изъ своихъ вассаловъ. Бургомистры свѣдали о томъ, и молчали, боясь въ лицѣ его оскорбить всѣхъ дворянъ. Wo ist kein Klage, da ist kein Richte (нѣтъ жалобы, нѣтъ и суда), говорили они; но жалобы не замедлили. Старшины помѣстьевъ Икскулевыхъ и родственники убитаго, опираясь на Ревельскія права, гласно требовали разсуды — и наконецъ получили ее: Магистратъ позволилъ имъ задержать преступника. Враги ждали его, друзья увѣдомили объ опасности; онъ презрѣлъ тѣхъ и другихъ, насмѣхался надъ Рапсгерами, и шумнымъ поѣздомъ въѣхалъ въ Ревель. Надежда на богатство ослѣпила Икскуля: онъ былъ схваченъ, и судъ, не смотря на выкупъ, за него предложенный, произнесъ смертный приговоръ. Приспѣлъ день казни: раздраженные дворяне поклялись вырвать изъ рукъ правосудія собрата своего; съ оружіемъ сполпились подъ стѣнами Ревеля, въ надеждѣ, что Икскуля поведутъ казнить за городъ;

но обманулись. Его подвели подъ Кузнецкія ворота: безславная сѣкира сверкнула, и голова преступника скатилась къ ногамъ трепетныхъ гражданъ (въ 1535 году). Дворяне неистовствовали, но не могли копьями разбить неприступныхъ воротъ; угрозы ихъ не поколебали башенъ Ревельскихъ. Въ послѣдствіи однако же Магистръ Галленъ, уступивъ просьбамъ всего дворянскаго сословія, наложилъ пѣню на Магистратъ города за то, что оный не отнесся къ нему объ окончательномъ рѣшеніи; а ворота, подъ коими струилась кровь благородная отъ руки палача, повелѣлъ затворить навѣчно. Екатерина II, въ бытность свою въ Ревелѣ, дозволила отворить ихъ, и съ тѣхъ поръ ворота сіи называются Новыми.

Поспѣшимъ теперь въ церковь Св. Николая. Услужливый кистеръ ждетъ насъ на порогѣ, въ XIV вѣкѣ положенномъ; прокашливается, готовясь быть нашимъ Чичероне, и гремитъ ржавыми ключами церковными. Двери шатнулись, и мы въ сѣняхъ, въ которыя справа и слѣва едва проницаетъ унылый свѣтъ сквозь рѣз-

ныя деревянныя рѣшетки. Блеклая позолота и полустершыя надписи ручаются за ихъ древность. Въ лѣвомъ придѣлѣ подъ стекляннымъ колпакомъ лежитъ тѣло Дюка де-Круа, Русскаго Генерала, взятаго въ плѣнъ подъ Нарвою въ первомъ сраженіи Петровыхъ войскъ со Шведами. Живши въ Ревелѣ военноплѣннымъ, онъ не забылъ ни рода, ни чина своего, т. е., надѣлалъ множество долговъ — и умеръ, неудовлетворя своихъ заимодавцевъ. Заимодавцы извѣстивъ родственниковъ де-Круа, въ Нидерландахъ живущихъ, по законамъ Шведскимъ, не дозволили хоронить должника своего, доколѣ за него не уплатятъ наслѣдники; ждали ихъ и не дождались. Какъ видно, тѣ не захотѣли подражать Египтянамъ въ выкупѣ тѣла, и не пріѣхали; известковыя спѣны погреба сохранили тѣло де-Круа, въ немъ забытаго, до сихъ поръ. Черная бархатная мантія и шелковая одежда начинаютъ разрушаться; но верхніе шелковые же чулки цѣлы и крѣпки. Всѣ черты физіономіи его отличительны. Дюкъ де-Круа умеръ въ 1701 году.

Входя въ церковь, невольно изумляешься

мрачной ея величественности! Взоры блуждаютъ подъ остроконечными готическими сводами, и полъ звенитъ отъ шаговъ звукомъ могильнымъ. Сомнительный день прокладывается сквозь цвѣтныя стекла, въ частомъ свинцовомъ переплетѣ вставленныя, изъ коихъ многія расписаны образами Святыхъ. — Вездѣ представляются остатки Католической Религіи, основавшей сію церковь въ 1317 году. Огромныя створчатыя святцы, съ живописными и рѣзными изображеніями Католическихъ Святыхъ и Папъ, возвышаются на олтарѣ. Живопись оныхъ сохранилась довольно хорошо, и можетъ спорить съ работою Луки Кронаха. Другія иконы, украшающія переклады и простѣнки между сводами, гораздо низшей работы.

Надъ кудрявыми гербами Рыцарей Нѣмецкихъ и Шведскихъ развѣшены ржавыя латы; надъ иными тлѣютъ пыльные обрывки знаменъ. Я вздохнулъ, разсматривая оныя. Можетъ быть, подъ этимъ холоднымъ желѣзомъ кипѣла нѣкогда ретивая грудь славою и чистою любовью; въ сихъ пробоинахъ, полученныхъ за ро-

дину, внуки читали заповѣдь предковъ «не измѣнять ей.» Сіи знамена развѣвались воздухомъ брани! и что теперь все это? Залогъ плѣнія и ничтожества!... пропечетъ еще нѣсколько лѣтъ и любопытство напрасно вопроситъ нѣмыя развалины.

Лавки, рамы образовъ и портретовъ отягчены рѣзьбою, иногда весьма искусною. Полъ сложенъ изъ надгробныхъ камней погребенныхъ тутъ Рыцарей — вкладчиковъ церкви. На нихъ изображены они грубою обронною работою въ полномъ вооруженіи. Надписи почти всѣ стерлись ногами прихожанъ. На правой сторонѣ, въ стѣнѣ церкви, видѣнъ нишъ, вышиною въ полтора аршина, шириною и глубиною въ аршинъ. Говорятъ, будто въ него сажали виновныхъ церковниковъ для наказанія, тѣмъ жесточайшаго, что тамъ невозможно ни стать, ни сѣсть; желѣзная рѣшетка оправдываетъ это преданіе.

При насъ не было службы въ церкви Св. Николая: время воюетъ высокіе своды ея; трещины бѣгутъ по стѣнамъ, и те-

перь для предосторожности ставятся лѣса и подпоры. Жаль будетъ, если упадетъ сей, древнѣйшій въ городѣ, памятникъ Католицизма и готической Архитектуры.

Наружность церкви имѣетъ въ себѣ много важнаго (il grandioso). Узкія окна и толстые контр-форсы, оживляя игру тѣней, придаютъ оной какой-то занимательной видъ. Низъ заслоненъ лавками, построенными для ярмонки, бывающей здѣсь въ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ день Св. Іоанна. Въ оградѣ, близъ воротъ, стоитъ часовня, въ которой погребенъ бывшій Губернаторъ Эстоніи Гольштейнъ-Бекъ. Двери и окна заложены въ ней, какъ сказываютъ, не для сбереженія драгоцѣнностей, съ нимъ похороненныхъ, а, какъ думаютъ, для того, что ихъ уже нѣтъ.

Широкою улицею (Breit-Strasse), которая широка только по имени, мы приближаемся къ церкви Св. Олая, сгорѣвшей прошедшимъ лѣтомъ, въ ночь на 16 Іюля. Кирхшпиль оной, Ревельцами Олай-Торнъ называемый, сперва былъ вышиною въ 84 сажени, т. е. равенъ съ куполомъ Св. Пе-

тра въ Римѣ. Передъ пожаромъ высота его простиралась до 74 саженъ. Церковь Олая, послѣ своего построенія, горѣла восемь разъ, изъ коихъ три раза обращалась въ пепелъ, и снова усердіемъ богомольцевъ возставала въ прежней лѣпотѣ на украшеніе городу, на диво всему краю, на пользу мореплавателей, которые по высокой башнѣ ея правили днемъ бѣгъ свой между тысячами опасностей. Стѣны церкви и каменной низъ колокольни стоятъ еще, но верхъ оной упалъ. Лучь молніи ударилъ въ одну изъ наугольныхъ пирамидъ, и огонь вдругъ обнялъ всю кровлю, проникъ во внутренность, испепелилъ все, что могло сгорѣть. Мѣдь колоколовъ и кровель таяла какъ воскъ, потоки стекла и свинцу дождили; — пламя грозило гибелью всему городу, ужасъ волновалъ сердца жителей Ревельскихъ. Наконецъ гигантская колокольня, пылая, рухнула черезъ улицу на горящіе домы; а башня, раскаленная какъ Этна, осталась извергать вкругъ себя опустошеніе: грохотъ и трескъ раздавались внутри ея, огонь свирѣпствовалъ снаружи. Къ счастію по-

шелъ дождь, который, смочивъ кровли домовъ, воспрепятствовалъ распространенію пожара — и въ 4 часа все кончилось.

Съ благоговѣніемъ вошелъ я по скрыпучему снѣгу во внутренность зданія: вездѣ черныя полосы показываютъ слѣды, по коимъ текли волны опустошительной стихіи. Всѣ древности, какъ то: органы, лапы и мечи Рыцарскіе стали жертвою пламени. Такъ называемое ребро Олаево подверглось равной участи. Огромная китовая кость, повѣшенная надъ входомъ, въ знакъ союза съ Ганзейскими китоловцами, подала простолюдинамъ поводъ къ вымышленію басни, будто бы ребро сіе было Олаево, будто сей Олай былъ Гигантъ неимовѣрнаго роста, который выходя поутру изъ Нарвы въ Ревель, для присмотра за строеніемъ церкви, къ обѣду ежедневно возвращался назадъ.

Извнѣ и внутри взору ничего не представляется, кромѣ развалинъ, клеймомъ пожара очерненныхъ. Вѣтеръ свѣваетъ снѣгъ и пепелъ съ осиротѣлыхъ стѣнъ, воетъ вкругъ разрушеннаго олтаря.

На одной наружной стѣнѣ, подъ пу-

стымъ нишемъ, вдѣлано выпуклое изображеніе, какъ должно думать, идола Тора. Профессоръ Рикерсъ написалъ о немъ весьма любопытное разсуѫденіе, а я постараюсь вамъ доставить, друзья мои, съ него рисунокъ, и тогда пополкуемъ, что значитъ жаба, на скелетѣ человѣческомъ лежащая.

Въ Библіотекѣ Олаевской храняться драгоцѣнныя для Нѣмцевъ, любопытныя для всѣхъ уважающихъ таланты, письма Лютера и Филиппа Меланхтона, его сподвижника, о Реформаціи, писанныя ими своеручно.

Олай или Олафъ, потомокъ Гаральда Смѣлаго, Короля Норвежскаго, за освобожденіе отечества своего изъ подъ ига Данчанъ и Христіанскія добродѣтели, признанъ отъ одноземцевъ за святаго. Скоро въ чужихъ земляхъ стали посвящать ему храмы, а въ 1329 году Данчане выстроили сію церковь въ честь имяни Олая, за строеніемъ коей надзиралъ Епископъ, тоже Олаемъ именовавшійся.

Берегъ, берегъ, друзья мои! Намъ осталось осмотрѣть только домъ Черноголо-

выхъ братьевъ. Пріятель и товарищъ мой Р-нъ уже предъувѣдомилъ членовъ о посѣщеніи, и учтивые форштейеры общества вынесли намъ всѣ рѣдкости. Мимоходомъ окинувъ глазами обширную залу, я пожалѣлъ, что три Іоническія колонны, подпирающія плафонъ, мѣшаютъ простору. Еще весьма недавно старинные четвероугольные столбы смѣнились этѣми колоннами, а съ ними вмѣстѣ выѣхали вонъ и портреты Королей Шведскихъ. Между прочими Карлъ XII переселился съ почетнаго мѣста въ переднюю — вѣроятно на стражу. Вотъ огромные кубки, изъ коихъ братья Шварцен-Гейптеры попивали старину Малвазію: вотъ самый древній изъ нихъ, сдѣланный изъ ноги серны, можетъ быть, въ память Ревеля (Ree-val). Изъ него-то Великій Петръ пилъ за здоровье Черноголоваго Общества, въ которое вступилъ онъ членомъ по взятіи города; изъ него-то, друзья мои, пилъ и я, и съ восхищеніемъ поцѣловалъ то мѣсто, къ которому прикасались уста величайшаго изъ смертныхъ; Петръ, Екатерина II и Александръ I

подарили Обществу по серебряному кубку, сдѣланному на подобіе ноги дикой козы. Многія кружки деревянныя съ обручиками, а чаши почти всѣ украшены изображеніемъ Св. Мавриція, который былъ Мавръ по роду, и полководецъ по ремеслу. Намъ особенно понравился очень замысловатый кубокъ, въ которомъ на шарикѣ плавалъ серебряный мальчикъ. Дѣло состояло въ трудности носомъ утопить пловца въ винѣ, иначе кубокъ наполнялся снова до тѣхъ поръ, покуда не утоплялся разумъ пьющаго. Желая испытать и въ этой игрѣ счастія, мы налили въ него вина, балансировали и ртомъ, и носомъ и глазами — все напрасно; упрямый человѣчикъ никакъ не хотѣлъ тонуть, и мы, позабавившись выдомкою прежнихъ лѣтъ, когда искусство пить было систематическою наукою, посмотрѣвъ на подпись руки Петровой и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему особъ, полюбовавшись серебрянымъ голубемъ, котораго привѣшивали на высоту для прыганья, пошли въ верхніе покои Общества. Тамъ замѣчательнаго только: латы, ланцы, употреблявшіеся на

турнирахъ, китовая кость и образъ, представляющій жизнь Св. Мавриція. Говорятъ, будто при введеніи въ Ревель Люперова Исповѣданія, онъ былъ оставленъ; но случай, спустя долгое время, открылъ его, и Шварцен-Гейптеры съ торжествомъ перенесли оный въ свою обитель. Образъ этотъ по живописи дорого цѣнился Католиками; сказываютъ, что, не смотря на его тяжесть, они давали за него вѣсомъ серебра; но братья Общества не согласились, и Католики съ досады подослали подкупленнаго ими живописца, чтобы онъ, взявшись поправить испорченныя сыростью мѣста, обезобразилъ рисунокъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. За истину сего анекдота не ручаюсь; но думаю, судя по работѣ, что невѣжество мастера и поправщика участвовали въ томъ болѣе, чѣмъ зависть Католиковъ.

Военно-торговое Общество братьевъ Черноголовыхъ учредилось въ XIII вѣкѣ, прежде Рижскаго; но когда именно — не извѣстно. Шварцен-Гейптеры составляли и составляютъ городскую конную гвар-

дію; лѣтъ 15 назадъ, они въ праздники парадировали на лошадяхъ въ старинномъ одѣяніи: но теперь даны имъ гражданскіе мундиры. Нынѣшній домъ Общества построенъ въ XV вѣкѣ. Въ немъ основанъ клубъ Черноголовыхъ, иначе Einigkeit (т. е. согласіе) называемый, въ который принимаются члены изъ гражданъ города и Офицеровъ Русской службы (19).

Не буду описывать вамъ, мои друзья, домика и дворца Петра Великаго въ Екатеринен-тіалѣ (20) по многимъ причинамъ: во-первыхъ потому, что я тамъ не былъ. За то разскажу анекдотъ о немъ самомъ.

Побѣдитель Карла XII, послѣ взятія Ревеля, осматривалъ Эстонію. Проѣзжая мимо замка дворянина Рамма, послалъ сказать ему, что онъ хочетъ у него обѣдать. — «А я не хочу этаго!» отвѣчалъ Раммъ, упрямый защитникъ прежней власти. Петръ вспыхнулъ, прискакалъ въ замокъ, и простью своею наэлектризовалъ спину дерзкаго. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, говоритъ пословица: — искренность и свѣдѣнія Рамма понравились Им-

перапору; онъ помирился съ нимъ и наконецъ такъ обворожилъ своимъ умомъ и ласковостью прежняго недруга, что онъ душой готовъ былъ жертвовать Государю Русскому. Проси какой хочешь милости, сказалъ Петръ добродушному хозяину своему на прощаньи, я исполню ее. — «Государь! отвѣчалъ Раммъ, подари мнѣ трость, которою меня наказывалъ: она будетъ памятникомъ моего заблужденія, Царской горячности и великодушія великаго человѣка.» Петръ усмѣхнулся и отдалъ. Трость сія съ благоговѣніемъ хранится понынѣ у наслѣдниковъ Рамма.

Вотъ все, что я могъ собрать изъ книгъ и отъ достовѣрныхъ людей о Ревелѣ, о которомъ еще никто не говорилъ въ особенности. Исторія моя коротка, это правда; за то я не сочинилъ, а только написалъ оную. Надѣюсь, вы, друзья, простите вѣтренаго кавалериста за то, что періоды его не выровнены, не блистательны; — я бросалъ ихъ съ пера моего, саблею очиненнаго, въ быстрые промежутки забавъ и усталости,

подъ холоднымъ крыломъ сна. Простите и за долгія письма мои — и за то, что, пробывъ двѣ недѣли въ Ревелѣ, я на два мѣсяца наслалъ къ вамъ скуки — рука не успаетъ писать, когда сердце съ ней въ заговорѣ. Не въ своемъ краснорѣчіи, а въ вашей благосклонности найду я ходатая моему многословію; но прощайте! ... Я думаю выѣхать завтра вечеромъ, и черезъ три дня другъ вашъ отрясетъ чуждый снѣгъ на порогѣ пріятельскомъ.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ НА ВОЗВРАТНОМЪ ПУТИ ИЗЪ РЕВЕЛЯ.

СТАНЦІЯ ЛООПЪ, въ 70 верстахъ отъ Ревеля.

12 Часъ ночи, 7 Генваря.

Для чего взоры не могутъ проницать туманную даль въ слѣдъ за быстрокрылою мыслью? тогда бы въ глазахъ моихъ прочитали вы, друзья отдаленные, все, что отражается въ нихъ волненіемъ сердца; все, что душа чувствуетъ, воображеніе обнимаетъ, и слово не можетъ выразить.

Пусть молнія увьетъ перо мое, пусть слѣдъ его вспыхнетъ огненными чертами — и тогда еще выраженіе будетъ слабымъ отголоскомъ, однимъ призракомъ чувствъ невыразимыхъ! Мысли, сверкнувъ, исчезаютъ — какъ исчезаетъ на долинѣ мгновенная тѣнь сокола поднебеснаго.

Часто, какъ теперь, думы исполинскія и бурныя чувства роятся въ груди и въ головѣ моихъ. Гнѣвъ, воспоминанія, надежды, мечты вливаются, тѣснятся, рвутся въ душу мою вмѣстѣ и порознь, то услаждая, то терзая её. Но гдѣ найду я ноты сердечныя, чтобы изобразить всѣ оттѣнки, всѣ измѣненія, всѣ звуки ощущеній моихъ? ... О, если бы это холодное письмо, подобно льдяному зеркалу, собирающему лучи свѣта, могло собрать лучи оныхъ — отразить мои чувства на сердца ваши и представить тамъ хотя блѣдное ихъ изображеніе.....

Но куда увлекла меня фантазія? Обѣщая вамъ описывать, что было и есть наяву, я хотѣлъ уже нарисовать мутныя сновидѣнія разума! Вотъ сущность:

Неохотно открылъ я сегодня утромъ

глаза мои, и снова закрылъ ихъ, какъ бы желая рѣсницами уловить сонъ минувшаго. Не радостно, друзья мои, разставаться съ людьми гостепріимными, съ знакомствомъ новымъ, съ мѣстомъ, гдѣ ничто не мрачило веселости нашей! Грустно прощаться и можетъ быть навсегда, едва вблизи обознавшись съ предметами. Но какъ бы то ни было, мы собрались къ выѣзду изъ дома Генерала.

Друзья и сродники, знакомыя и знакомцы съѣхались проводить любезнаго хлѣбосола Ревельскаго, которой съ одною изъ дочерей своихъ отправлялся въ Петербургъ вмѣстѣ съ нами. Изъ-за стола, за которымъ много разговаривали и мало ѣли, за которымъ шумѣло возліяніе въ честь Эрмія, хранителя дорогъ, чтобы онъ даровалъ намъ путь счастливой, гдѣ шутилъ кто умѣлъ, и смѣялся кто былъ въ расположеніи — изъ-за стола поднялись въ 3 часа. Повозки звенѣли и скрыпѣли пѣредъ крыльцомъ — всѣ говорили: »пора» и всѣ медлили; порученія сыпались со всѣхъ сторонъ, наконецъ волею и неволею надобно было ѣхать, чтобы въ темнотѣ не за-

блудиться на опасной дорогѣ первой станціи. Сѣли въ комнатѣ по обычаю старины Русской — встали, помолились пенатамъ домашнимъ; я сжалъ руку новымъ друзьямъ своимъ, бичь хлопнулъ — и черезъ полминуты вѣтеръ донесъ къ намъ послѣднее »прощайте,« на трехъ нарѣчіяхъ посланное.

Проѣхавъ Екатеринен-таль, я оглянулся на Ревель: онъ гордо вздымалъ увитыя вечернымъ туманомъ стѣны и колокольни свои; солнце, падая за нимъ въ море, ярко абрисовывало громаду башенъ и шпицовъ, подпирающихъ горизонтъ. Мало по малу въ отдаленіи исчезли оттѣнки зданій, все сливалось въ одну сумрачную краску на заревѣ — и вдругъ весь городъ скатился за черту зрѣнія, прегражденнаго горою. — Еще однажды мелькнули главы Вышгорода изъ-за холмовъ Лаксбергскихъ; въ послѣдніе бросилъ я взоръ на нихъ, на закатъ сліяннаго съ землею неба — и завернулся въ шинель свою.

Тихо скользили сани наши по излучистой и узкой дорогѣ, завѣянной недавними вьюгами; лошади грузли въ рыхломъ

снѣгу; однозвучный ихъ топотъ, единообразное колебаніе саней, навели на меня какую-то грустную дремоту. Лай собаки, одинакаго стража Эстонской хижины, пробудилъ меня; луна вставала изъ-за сельскаго храма, и серебряною дымкой волновались подъ ней легкіе пары.

Здѣсь мы ужинали и ночуемъ. Всё спитъ, кромѣ пера моего; лампада меркнетъ, дымится, угасаетъ; довольно!

СТАНЦІЯ ПЕДРУСЪ.

8 Генваря.

Едва зарумянилась утренняя звѣздочка на краю неба, мы уже скакали далѣе и далѣе. Всшало солнце; зимній вѣтерокъ навѣвалъ иней съ вѣтокъ опушенныхъ снѣжинками, дымъ съ низкихъ хатъ розовыми клубами стлался по вѣтру; болтливыя сороки прыгали на кровляхъ, щуры порхали по дорогѣ, дятлы вились по изгородамъ. Странная нить мыслей человѣческихъ! стукомъ своимъ они напомнили мнѣ бѣгство Игоря изъ плѣна Половецкаго, когда невѣдомый пѣвецъ провожаетъ его къ Донцу друже-

любному, гармоническою пѣснію своею. — »Все споспѣшествовало, говоритъ онъ, предпріятію Князя: »Сороки не стрѣкоташа, по лозамъ ползаша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ.» — Перечитавъ наизусть нѣсколько отрывковъ изъ поэмы: »Походъ Игоря на Половцевъ,» въ виду Везенберга (по-Русски Раковора), мнѣ казалось, что я совершилъ тризну храбрымъ соотчичамъ моимъ, павшимъ на сихъ поляхъ, или подъ его стѣнами.

Большая часть Эстоніи, исключая округовъ: Венденскаго, Ревельскаго и Нарвскаго, плоска, хотя и возвышенна. Одни только рытвины, вѣроятно, бывшія по сотвореніи міра ложемъ рѣкъ быстрыхъ и глубокихъ, оживляютъ единообразіе Природы. Кто знаетъ, можетъ быть невѣдомыя племена плавали на ладьяхъ тамъ, куда мчатся теперь сани мои — гдѣ лѣтомъ блещетъ коса Эстонца?

Сколько я могъ замѣтить на проталинахъ скалъ, породы, составляющія почву Эстоніи, наиболѣе принадлежатъ къ 3й эпохѣ осадки химической (Flotz-Zeit). Къ Ревелю, всѣ поля покрыты ломаными для

продажи плитами известняку, который всегда состоитъ тамъ изъ горизонтальныхъ слоевъ, рѣдко съ механическою примѣсью глины перемѣшанныхъ. Ближе къ Нарвѣ земля, какъ и въ окрестностяхъ Петербурга, усѣяна гранитными обломками, округленными силою воды, изрѣдка гнейсомъ, въ знакъ пребыванія края сего дномъ Океана. Самая высокая гора въ Ливоніи есть Везенбергъ. на которой стоитъ того же имени замокъ. Она возвышается надъ морскою поверхностію на 1200 футовъ.

Дурныя и узкія, по малочисленности проѣзжихъ, дороги здѣшнія, мелкія лошади и негодная упряжка зимняя, гуськомъ, дѣлаютъ путешествіе наше не слишкомъ пріятнымъ. Кстати о почтахъ: Еще Карлъ IX предлагалъ дворянству Ливонскому устроить почты и корчмы. Послѣднее оно исполнило; но рѣгулярныхъ почтъ не было до 1639 года. До тѣхъ поръ вольные или нарочные гонцы перевозили письма, а переѣзды наиболѣе совершались верхомъ.

СТАНЦІЯ ВАРГЕЛЬ.

4 часа по полудни.

За чашкою соленаго шоколада, который хозяйка сварила намъ на кисломъ молокѣ, пишу утренній разговоръ мой съ братомъ. Было тепло и солнечно, когда мы выѣхали съ почтоваго двора; но дума и разсѣянность мелькали на лицѣ моемъ. »О чемъ ты задумался? спросилъ меня, усмѣхаясь, братъ мой; не новая ли критика занимаетъ тебя?»

Я. Развѣ ты воображаешь, что я могу, какъ странствующій Тристрамъ Шанди, пришивать періоды къ несочиненнымъ еще сочиненіямъ! Благодаря судьбѣ, я не обязанъ думать впередъ о твореніяхъ, о которыхъ вовсе не думали ихъ творцы.

Онъ. Вольно же тебѣ выбирать подобныя мелочи. Если, какъ ты называешь »шестое чувство твое, т. е. вкусъ эстетической» превратилось въ необходимость критиковать, почему не выберешь предмета, достойнаго труда, полезнаго для Литтературы?

Я. Во-первыхъ, во-вторыхъ и въ третьихъ потому, что я еще не надѣюсь на свои

силы. Притомъ лѣнь, разсѣяніе и служба дѣлятъ время мое »до завтра« говорю я каждый день — и проходятъ мѣсяцы, за то приходитъ опытность. Далѣе, мыслю я, мнѣніе публики о лучшихъ современныхъ Писателяхъ почти справедливо — и потому, на примѣръ: Жуковскому и Крылову едва ли прибавитъ достоинства и прекрасная критика, — Пушкина и Баратынскаго не убьетъ и дурная. Но когда я вижу самозванцевъ-Поэтовъ рядомъ съ патронами нашего Парнасса, когда замѣчаю людей, изъ коихъ одни хотятъ пробить дверь славы мѣднымъ лбомъ самохвальства, а другіе проползти къ ней въ замочную скважину — въ то время кровь моя кипитъ — и вотъ въ зеркалѣ критики Мидасъ любуется своими ушами — которыхъ бы онъ не увидѣлъ иначе.

Онъ. Странный ты человѣкъ! доказываешь то, о чемъ знаетъ всякой, сколько нибудь одаренный здравымъ смысломъ; а глупцовъ не увѣришь никакою Логикою въ свѣтѣ. Стоитъ ли труда вызывать утопленниковъ Леты? и доказывать, какъ

говоритъ Ривароль: »что они неизвѣстны своими произведеніями.»

Я. Все это очень хорошо и не совсѣмъ справедливо. У насъ г-мъ Авторамъ вѣрятъ часто на слово, а Литтературное имя подъ часъ купить можно и завтраками. Конечно знатоки не обманываются сусальною ихъ позолотою; но молодые люди, начинающіе писать, могутъ обольститься ложнымъ блескомъ, и тогда — прощай образованность! Они уже вѣстники испорченнаго вкуса, они ученики Фламандской школы Словесности.

Онъ. Не надѣешся ли ты обратить ихъ на путь истинный?

Я. По крайней мѣрѣ, желая этаго, я имѣлъ полезную цѣль; — никогда не скажу: »мы пахали,» но тѣмъ не менѣе буду говорить правду.

Онъ. Ты видѣлъ, что правда навлекла тебѣ многія неудовольствія.

Я. Это и быть не могло иначе. Очень знаю, что многіе обрекли меня на остракизмъ, не читавши; иные возстали по знакомству съ моими антагонистами, другіе по инстинкту, — трепьи для магическа-

го слова: шакъ. Пораженные вопіютъ на несправедливость, но гдѣ? на какой галерѣ найдешь виноватаго? Эти господа сердятся даже, если вмѣсто пяти сотъ, выпишешь изъ нихъ только двадцать дурныхъ стиховъ — а всё изъ одной страсти быть еще разъ напечатанными — и дабы имѣть случай отъ чистаго сердца признаться публикѣ — что они: Геніи. Не пройдетъ недѣли и уже́ они разъѣзжаютъ на палочкахъ самолюбія, будто побѣдители. Знаю и то, что, благодаря критикѣ, мнѣ часто приписываютъ честь авторства всѣхъ безъимянныхъ глупостей Петербурга, — наконецъ вижу, что многія особы изъ прекраснаго пола по наслышкѣ раздѣляютъ мнѣніе о моемъ мнимомъ злоязычіи, и право думаютъ, будто я на каждую женщину гляжу какъ на новую комедію; — но я ли виноватъ, что у насъ до сихъ поръ слово: критика, значитъ одно съ бранью?

Онъ. Не ты одинъ, но всѣ вы. Зачемъ облекать разборы свои въ шуточную одежду и засѣвать сужденія оныхъ остротами, часто обидными?

Я. Послушай, mon cher! всѣ люди сколько нибудь злы: чтобы заставить ихъ читать правду, надобно польстить такой ихъ наклонности; а сухая ученость, неприправленная шутками, никакъ не понравится юношествующему вкусу нашей публики, — словомъ, вниманіе читателей надобно привлекать какъ электричество — остротами.

Онъ. Опять новое сравненіе и новое противурѣчіе; не ты ли говоришь про многихъ писакъ нашихъ: »они слишкомъ дружны съ своимъ самолюбіемъ, слишкомъ вѣрятъ своимъ пріятелемъ, чтобы дожить до потомства,» а самъ угождаешь прихотямъ настоящаго времени. Еще одно замѣчаніе: сколько я вижу, тебя не даромъ упрекаютъ въ излишествѣ шутокъ въ твоихъ рецензіяхъ и не даромъ говорятъ, что ты гоняешся за остроуміемъ.

Я. Помилуй, можно ли говорить съ сурьёзнымъ лицемъ о нелѣпостяхъ. Что до втораго, увлеченный природною веселостью, можетъ быть, я точно заслуживаю это нареканіе; но самъ въ себѣ невиноватъ въ изысканности.

Онъ. Острота, другъ мой, будучи тѣнью, отброшенною умомъ, освѣщеннымъ веселостью, слѣдуетъ за нимъ, когда онъ идетъ своею дорогой, но бѣжитъ, если умъ за нею гонится. Потому весьма легко отличишь остроты натянутыя отъ природныхъ; даже предположивъ, что я и публика вѣримъ тебѣ въ непринужденности — ты не менѣе утомишь вниманіе наше самыми забавными, но многочисленными сравненіями, потому что всякому ощущенію есть границы. —

Я. Foi d'un journaliste, обѣщаюсь исправиться и не обращать рецензій моихъ въ арсеналъ игрушекъ!

Онъ. Не лучше ли и совсѣмъ оставить безплодное поле критики, или, возвращаюсь на прежнюю мысль, бросъ критиковать пустяки.

Я. А я опять повторю тебѣ, что кого бы и какъ бы не разбирали, все таки, рано ли, поздно ли, это принесетъ пользу. Цѣль критики есть: выказывать дурное и хорошее; а хорошее можетъ найтись и въ забытыхъ фоліантахъ Боброва, даже Тредьяковскаго. Между тѣмъ въ спорахъ

критическихъ образуется вкусъ, и правила языка принимаютъ твердость. При первомъ дуновеніи здравой критики, разлетаются неумѣстныя похвалы друзей и неправая брань завистниковъ, а сочиненіе съ вѣрною оцѣнкою падаетъ въ руки любителей. Конечно, всякому не мудрено ошибиться; не всегда сужденія критики безгрѣшны, не всѣ мнѣнія могутъ быть общими; — но въ такомъ случаѣ должны перевѣсить доказательства самыя удовлетворительныя.

Онъ. У насъ совсѣмъ напротивъ: мнѣніе большей части, по твоей же Тактикѣ склоняется на сторону послѣдней брани, потому что рѣдкой захочетъ повѣрять чужіе толки; — по крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Я. А я въ томъ увѣренъ; однако, если пять человѣкъ изъ сотни читающихъ разсудятъ о вещи, какъ должно — намѣреніе выполнено. Коротко сказать, критика, не смотря на заговоры дробной шляхты литературной, обязана воздавать должному должное. Она, какъ благотворный Нилъ, разливомъ своимъ истребляетъ вредныхъ не-

сѣкомыхъ, освѣжаетъ атмосферу вкуса и плодотворитъ юныя растѣнія, оставляя на поляхъ Словесности....

Онъ. Песокъ.

Я. Пускай песокъ, только золотой. Однако, оставя всѣ выспренности и шутки, ты вѣрно сознаешся, что критика была и будетъ краеугольнымъ камнемъ Литературы.

Онъ. И камнемъ преткновенія для критиковъ. Но

»Пріѣхали,« сказалъ извощикъ, отряхаясь и протягивая руку. »Пей за здоровье критики,« сказалъ я ему, давая гривенникъ. Видно она добрая барыня, ворчалъ, кланяясь Эстонецъ — и мы, смѣючись, вошли въ комнату почтоваго дома.

НАРВА.

2 часа ночи, 9 Генваря.

Наконецъ мы оставили за собою землю, бывшую, такъ сказать, бульваромъ народовъ сѣверныхъ, стремившихся разхищать Россію. Ливонія, вѣчная жертва пришельцевъ, воспитала для Исторіи кровавое воспоминаніе; первыя извѣстія о существо-

ваніи оной были уже не первыми ея бѣдами. Русскіе и Датчане, Поляки и Шведы протекали съ опустошеніемъ изъ края въ край; гордые, жестокіе Рыцари мучили, какъ Илотовъ, крестьянъ своихъ; враги отнимали у нихъ, что могли; владѣльцы, что хотѣли, а они хотѣли всего. Каждая мыза была замкомъ, каждой замокъ крѣпостью; стѣны Рыцарей возвышались руками вассаловъ, а вассалы не имѣли хижинъ, куда преклонить голову, и поля господъ орошались ихъ кровавыми слезами. Война палила нивы, голодъ и моръ похищали жителей; наконецъ, сословіе Гофлейтовъ, сія нечистая пѣна, произведеніе бурь политическихъ, стоило наѣзниковъ и сторонщиковъ (21) Русскихъ. Запала ими дорога торговая, и ни свои, ни чужіе не избѣгали грабежа. Но отвратимъ взоръ отъ ужасовъ, коимъ сердце не даетъ вѣры вопреки уму; — замки, тяготившіе землю, не существуютъ; феодализмъ лежитъ подъ ихъ развалинами, покой оживляетъ Эстонію, и она мало по малу сбираетъ силы, истощенныя семивѣковыми бѣдствіями.

Эстонія была обитаема наиболѣе Эстами (т. е. Чудью), Ливонія вообще — разноплеменными народами по языку, однородными по образу жизни. Ливы и Леттьі (т. е. Латыши) скоро соединились съ Нѣмцами, для покоренія своихъ земляковъ, и не избѣгли общаго рабства. Всѣ Ливонцы, особенно Эсты, были народомъ грубымъ и безчеловѣчнымъ; часто мужественнымъ, всегда коварнымъ. Звѣроподобные въ домашнемъ быту, невѣжественны до невѣроятія въ военномъ, они не знали ни броней, ни каменныхъ укрѣпленій; забавно было предпріятіе Семигаловъ, веревками стащить въ Двину первый каменный замокъ, построенный Мейнгардомъ, проповѣдникомъ въ Икскулѣ (Икескола).

Ни одинъ Скальдъ, ни одинъ повѣствователь изъ среды Ливонцевъ, не передалъ подвиговъ своего народа вѣкамъ позднимъ. Славныя дѣла ихъ погасли съ зарею дней, бывшихъ свидѣтелями оныхъ. У враговъ ихъ, Нѣмцевъ, сохранились только немногія имена Героевъ Ливоніи. Кобо, сподвижникъ Альберта, и Дабрель (изъ То-

рейды, т. е. Трейдена) были воеводы Ливскіе. Русинъ (изъ Сонекла), Варидотъ (изъ Аишина) и Талибальдъ (изъ Беверина) были Летты, а Лейбитъ (изъ Леаля) Эстонецъ. Сей послѣдній въ 1214 году поднялъ всю Эстонію противу пришлецовъ Германскихъ; погромилъ окрестность Риги, заперъ Двину копьями, спалилъ землю измѣнниковъ Леттовъ. Но мечь судьбы обоюду остръ: Рамеко и Друнвальдъ, сыновья несчастнаго Талибальда, замученнаго Эстами, подъ знаменемъ Рыцарскимъ отмстили сторицею смерть отца и сродниковъ, на самомъ Лейбитѣ и его вѣрныхъ. Болѣе ста начальниковъ и многія тысячи Эстовъ погибли на кострахъ или въ мученьяхъ жестокихъ.

Я прежде замѣтилъ уже́, что Эстонцы теперь исправляются нравственностію; но образъ платья, различный отъ Финскаго, и домашней жизни не много измѣнились, кажется, отъ временъ первобытнаго ихъ состоянія.

Свѣтлая ночь озаряла башни Нарвскія, длинныя тѣни лежали по долинамъ снѣж-

нымъ. Подъѣзжая подъ мрачныя ворота, которыя вторили гуломъ топоту коней, я вспомнилъ послѣднюю осаду Нарвы, и, казалось, видѣлъ Героя Шереметева съ мечемъ въ рукѣ, когда онъ, ступивъ одною ногой на боевую лѣстницу, обращается къ адъютанту Петра Великаго и хладнокровно отвѣчаетъ на приказъ его, отступить: «скажи Государю, что я принадлежу теперь не ему, а потомству; впередъ!» и Русскіе на стѣнахъ города; но бой еще горѣлъ и въ срединѣ его, Шведы сѣклись и стрѣлялись съ нашими на улицахъ, въ домахъ, повсюду. Я прошелъ до Ратуши, въ которую Великій Петръ влетѣлъ съ мечемъ въ рукѣ, и, говорятъ, въ пылу гнѣва ударилъ въ щеку Коммендантa; «глупецъ!» вскричалъ онъ ему, повергая на столъ мечь свой, «смотри, на немъ кровь моихъ подданныхъ, пролитая за васъ! ты предвидѣлъ всѣ ужасы приступа, зналъ что не можешь удержаться и безполезно подвергъ невинныхъ гражданъ ярости непріятеля!»

Противъ Ратуши я невольно узналъ гостепріимный домъ негоціанта К—ра,

гдѣ провелъ столь пріятный вечеръ не первый Русской путешественникъ, но лучшій Писатель своего путешествія.

На темной прорѣзной главѣ Собора и въ окнахъ строеній блистали лучи полнаго мѣсяца. Улицы въ Нарвѣ прямѣе, шире и чище Ревельскихъ; домы правильнѣе и единообразнѣе. Спустившись подъ высокой мостъ, ведущій на Вышгородъ, мы доѣхали до второй заставы, выѣхали изъ такъ называемыхъ Водяныхъ воротъ на мостъ Наровской, — и прекрасная картина открылась глазамъ нашимъ влѣвѣ и вправѣ. Огромные замки: Иванъ- и Вышгорода, стоящіе на противуположныхъ берегахъ Наровскихъ; почернѣвшія высокія стѣны и зубчатыя башни ихъ, скалы и утесы, нависшіе надъ рѣкою, и вся готическая древность военной Архитектуры вселяютъ что-то мрачное и унылое.

Эпоха построенія Нарвы весьма неопредѣленна. Ливонскіе историки полагаютъ оную около 1221 года, но безъ всякаго основанія. Лербергъ, напротивъ того, говоритъ, что до 1280 года ничего не слышно

было о семъ городѣ, и что въ первой разъ о немъ исторически упоминается въ актѣ (1321 года), подписанномъ Королемъ Датскимъ Христофомъ II. Но если вѣрить первымъ, Нарва была дважды уступлена Орденомъ еще Вольдемару II, и очень естественно, что не Шведы, а Датчане построили оную. Ивангородъ построенъ Русскими, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Великомъ. Оба города переходили изъ рукъ въ руки, осады слѣдовали за осадами, битвы смѣнялись другими; изъ обѣихъ крѣпостей, стоящихъ на перелетъ стрѣлы, Русскіе грозили Нѣмцамъ, Нѣмцы тревожили Русскихъ. Наконецъ Шведы завладѣли Нарвою, — но и при нихъ не однажды огонь нашъ палилъ внутренность города.

Завтра, чѣмъ свѣтъ — радуйтесь за меня, друзья мои — я ѣду смотрѣть водопадъ Наровскій.

СТАНЦІЯ ЧИРКОВИЦЫ,

9 Генваря.

Взявъ на Нарвской станціи лошадь, я отправился верхомъ къ водопаду; скачу, и черезъ двадцать минутъ останавливаю коня своего:

Тамъ, гдѣ гремучая Нарова
Съ ушеса падаетъ крутова.
Сперва она, раскинувъ лёдъ,
Къ порогамъ съ гордостью течётъ;
Вотъ ожемчуженной грядою
Толпятся волны за волною,
Въ стѣснённый, боязливый кругъ,
Вотъ близко пропасти, и вдругъ
Сверкнувъ лучемъ хрустальной влаги,
Внизъ скачутъ полныя отваги;
И, прядая черезъ скалы,
Играютъ въ красотѣ чудесной
Отливомъ радуги небесной,
Огнями громовой стрѣлы;
Вотъ въ бурные слились валы
И съ грохотомъ алмазну стѣну,
Упавъ, разбрызгиваютъ въ пѣну.
Громами падающихъ водъ
Двоитъ свой шумъ водоворотъ,
И берегъ одичалый роя,

Нарова грозная шумитъ
И снова, чуждая покоя,
Въ затворахъ мельницы кипитъ.

Низпавшая рѣка дѣлится на-двое, и образуетъ островъ, на которомъ стоятъ двѣ пильныя мельницы. Голова кружится, внимая шуму волнъ: онѣ спонутъ, разбиваясь о кремнистые уступы, стелются на нихъ всплёсками, и съ пѣною, съ ревомъ текутъ, стрѣлой несутся далѣе. Рыболовы увѣряютъ, что подъ наклоненными скалами порога есть пещеры, недоступныя водѣ. Многіе смѣльчаки пробирались туда сквозь бой водоворота и безвредны возвращались назадъ. Но посмотрите снова на водопадъ:

Струи, свергаясь пеленою,
Какъ бы играютъ межь собою:
То брызжутъ золотымъ снопомъ,
То гнутся радугою смѣлой,
То вспыхнувши цвѣтнымъ лучомъ,
Летятъ и гаснутъ въ пѣнѣ бѣлой.

И это еще не всё, друзья мои! Вспомните, что театръ представляетъ морозъ въ 15 градусовъ, что солнце отражается

въ тысячахъ разновидныхъ ледяныхъ кристалловъ:

Тамъ видѣнъ зеркаломъ Наядъ,
Оледенѣлый водопадъ;
И цѣпи мховъ, и плющъ печальной
Корой подернуты кристальной,
Гроздами вылился алмазъ;
Съ прибрежныхъ сосенъ, съ вѣшней долины
Кистями зыблются рубины,
И блескомъ ослѣпляютъ глазъ;
И всё величіе картины,
Покровъ сіящій зимы,
Рѣки пѣнистые холмы,
Плескъ волнъ, пороговъ содроганье
Скрыпъ колеса, жужжанье пилъ,
Свершили чувствъ очарованье,
И мнилось мнѣ, что взмахомъ крылъ,
По манію волшебной трости,
Я занесенъ къ Армидѣ въ гости
Или въ чертогъ безплотныхъ силъ.
И въ пурпурны сліянный шучи,
Кругомъ отъ брызговъ дымъ летучій
И волнъ серебряный туманъ
Все обольщенье уловляло,
И все въ мечтателѣ питало
Души оптической обманъ.

Однако, я замѣтилъ, что мое вообра-

женіе, привычное только летать, а не плавать, опустило мотыльковыя крылья свои, и отъ того, можетъ быть, замѣтите вы что и Поэзія моя упала на точку замерзанія. — Отдаляясь отъ водопада, я не уставалъ любоваться имъ; вдругъ печальное воспоминаніе о несчастіи одного изъ предковъ моихъ, какъ тучей набѣжало на довольную мысль мою. Я разскажу вамъ повѣсть сего происшествія, какъ мнѣ передалъ её отецъ мой. Этотъ берегъ былъ театромъ оной.

Не стало Грознаго Іоанна! не прошли времена грозныя Сѣкиры и палицы Опричниковъ не висѣли уже надъ головами гражданъ; но голодъ терзалъ ихъ, Поляки расхищали, Шведы громили. Коротко и бѣдственно было царствованіе Ѳеодора; онъ умеръ, и раздоръ, увѣнчанный надгробными кипарисами власти законной, схватилъ бразды правленія. Междоцарствіе длилось не долго: честолюбивый Годуновъ, могильною спезей прокрался къ трону сыновъ Рюриковыхъ, и кровію Царевича Угличскаго оросилъ шаткое колесо фортуны. Уже на-

лагалъ цѣпи и притворялся отвергающимъ вѣнецъ; какъ бы нехотя принялъ его, и мудрымъ, но злополучнымъ правительствомъ выкупилъ свои преступленія, и не могъ осчастливить подданныхъ. Фіалъ самодержавной отравы переполнился — ядъ прекратилъ бурную жизнь Годунова — и Русь превратилась въ станъ разбойничій: чужіе и свои грабили, кто что могъ. Поляки, покровительствуя Отрепьева, вторглись въ границы наши, какъ друзья — своихъ выгодъ. Дворъ призналъ Царемъ лже-Димитрія; народъ, вольный, только мѣнять цѣпи, казалось, вѣрилъ тому, и неистовства Литовцевъ ознаменовали возшествіе на престолъ пришельца.

»Рѣшено!» сказалъ тогда Бояринъ Гедеонъ Бестужевъ, »я не слуга Польшѣ. Кто не держалъ стремя Грозному, не поклонится тотъ и Царю-Самозванцу; передъ нимъ корона, со мною честь моя, ѣду.» Сказалъ и отправился изъ Москвы въ свои помѣстья на Лугу мирную, гдѣ, какъ отецъ семейства, какъ добрый владѣлецъ, въ занятіяхъ сельскихъ хотѣлъ забыть горе отечества, которому не могъ пособить.

Издавна ужасный Рыцарямъ, онъ зналъ страхъ только въ своихъ противникахъ, и не разъ разгромленныя стѣны городовъ Ливонскихъ видали его первымъ на раскатахъ своихъ, въ самомъ пылу приступа. Возросши въ битвахъ, Бестужевъ презиралъ пронырствами Двора, не искалъ милости временщиковъ, не вымаливалъ Царской опалы. Какъ воинъ опытный, дрался въ полѣ; какъ прямой Бояринъ, говорилъ красную правду на шумныхъ выборахъ. »Но когда вяжутъ руки на доброе, думалъ онъ, не хочу служить злобѣ —» и ждалъ покойно лучшаго времени. »Лже-Димитрій свергнутъ!» разнеслось повсюду, и Гедеонъ запировалъ съ друзьями. »Теперь ты можешь быть зятемъ моимъ, писалъ онъ къ юному Всеволоду Горскому; празднуетъ святая Русь, а мы развѣ не Русскіе? оправданы мои слова, сбылись и твои надежды. Пріѣзжай; Евпраксія, нареченная невѣста твоя, будетъ тебѣ женою.» Пылкій Всеволодъ прилетѣлъ къ любезной сердцу, и Бестужевъ, обнимая его, сказалъ: »дѣти мои бьются въ дружинахъ дальнихъ, будь мнѣ вмѣсто сына роднаго. Недѣлю посвя-

тимъ радости, а потомъ иноходцы ждутъ насъ, ждетъ поле ратное и служба отечеству. Я слишкомъ старъ, чтобы дорожить своего жизнію, но довольно молодъ чтобы наносить смерть врагамъ отчизны. Сегодня сговоръ, а завтра свадьба. Благословляю!» Радостно чокались жалованные Царями ковши съ золочеными кубками, за вечернимъ столомъ, въ рукахъ гостей и сродниковъ; шипѣли меда, лились вина и наливки. Красныя дѣвушки разпѣвали пѣсни, подъ гусли звончатыя; женихъ съ невѣстой не могли наглядѣться другъ на друга; а старики, разглаживая усы, толковали объ оружіи, о кольчугахъ, о коняхъ и воинахъ; вспоминали старинное, готовились къ будущимъ битвамъ. Всё шумѣло и радовалось, все праздновало и ликовало; пошли въ ходъ чары заздравныя, загремѣли бубны и трубы.....

Вдругъ черной воинъ, въ латахъ Германскихъ, съ пистолетомъ въ рукѣ явился передъ столомъ пиршества »Ни съ мѣста!» произнесъ онъ къ испуганнымъ гостямъ, которые поскакали съ лавокъ, »или я раздроблю черепъ первому, кто пронет-

ся!» Копья и карабины засверкали въ дверяхъ и окнахъ; изумленіе, ужасъ оковали всѣхъ, звукъ голоса умеръ въ воздухѣ.

Узнаёшь ли ты меня, Гедеонъ? продолжалъ онъ, поднимая рѣшетку шлема своего и устремя грозные взоры на Бестужева. Узнаёшь ли во мнѣ юношу, котораго повергъ и полонилъ ты на развалинахъ Линневардена и въ цѣпяхъ волочилъ до Москвы? Пять лѣтъ, брошенный тамъ какъ звѣрь въ ямѣ подземной, я питался одною надеждою мести. О! какъ проклиналъ я тебя, когда Русскія дружины шли поражать братій моихъ! я грызъ оковы, и наконецъ разбилъ ихъ, и наконецъ пришелъ къ тебѣ заплатить долгъ мой. Чтожь ты не потчуешь гостя нежданаго? или мнѣ начать круговую?

Тутъ налилъ онъ вина въ желѣзную перчатку свою, отпилъ самъ и подалъ ее Гедеону. Долго я слушалъ тебя, незнакомецъ, отвѣчалъ Бестужевъ съ гордостію; — не помню твоего имени Рыцарскаго, не хочу знать прозванья разбойника. Я служилъ родинѣ, — исполнялъ велѣнье Царя — Богъ судья ему, а не ты. Не думай,

что латы творятъ безстрашными: братья твои и въ нихъ бѣгали отъ меня, я тебя презираю и безоружный. Передо мной сотни перчатокъ Нѣмецкихъ падали вмѣстѣ съ руками, — не бывать и этой на столѣ Боярскомъ! Подлый розбойникъ! вотъ она. Онъ бросилъ ее на землю.

«Разбойникъ, говоришь ты, съ яростію вскричалъ черный воинъ; но я былъ ученикомъ твоимъ въ ремеслѣ грабительства; или ты позабылъ осаду Линневарденскую, когда алчные ратники дружины твоей сквозь дымъ и огонь ворвались въ домъ отца моего, и младенцевъ, сестръ и братьевъ моихъ, размождили на камнѣ? Твой мечь пронзилъ сердце моего родителя. «Месть и свобода!» были послѣднимъ его завѣщаніемъ, единственнымъ моимъ наслѣдіемъ: великодушные Россіяне истребили остальное — даже слѣды замковъ моихъ исчезли подъ боронами вашими. Вы сокрушили Орденъ; но, сложивъ крестъ, я не сложилъ меча, и этотъ мечь, закаленный въ слезахъ Ливонскихъ, тридцать лѣтъ вкушаетъ кровь непріятельскую и твоею напьется, но не здѣсь, нѣтъ, — тамъ, гдѣ

ты убилъ отца моего, тамъ изъ тебя по каплѣ выточу жизнь и развѣю прахъ твой по полю. Бестужевъ! я не даромъ былъ свидѣтелемъ неслыханнаго свирѣпства Царскихъ сподвижниковъ, когда военноплѣнному старцу фонъ-Мюнстеру выжгли они шомполами глаза и замучили его подъ лозами (22). Я повторилъ все это съ Де-ла-Гардіемъ въ Нарвѣ и Венденѣ, отмщевая смерть друзей, которые взлетѣли добровольно на воздухъ, не желая подвергнуться плѣну подобныхъ варваровъ (23). Зачѣмъ ты не вспрѣтилъ тамъ смерти отъ руки моей въ битвѣ почетной? Я клялся погубить тебя — и погибнешь безъ славы. Ты, злодѣй, отнялъ у меня свободу, честь и всё, что человѣку дорого на земли. Во время плѣну моего, моя суженая вышла за другаго, и — я убилъ ее, и ты одинъ виненъ, что Эдгардъ фонъ-Шрейтерфельдъ сталъ разбойникомъ. Проклятія всѣхъ — теперь мои питла; обращаю ихъ на твою голову, и радуюсь, что ты можешь понимать оныя на языкѣ своемъ. Но — уже время! Ринекеръ! Розинтенъ! Вульфъ! попросите Боярь распоясаться и

свяжите ихъ кушаками. Долой бархатъ и камку, весною тепло. Рейтары! снимайте со стола серебро и золото, съ гостей жемчуги и каменья. Фрейманъ! солому во всѣ углы, петли по всѣмъ жолобамъ: двухъ на висѣлицу, третьяго на ворота — понимаешь? Старики не стоютъ пороху, оставь ихъ погрѣться у пожара. Смотри, Гедеонъ! одинъ только этотъ кремень оспался мнѣ отъ всего дома родительскаго, и онъ раздѣлитъ со мною сладость мщенія!»

Съ сими словами Шрейтерфельдъ ударилъ кремнемъ въ обухъ меча своего, искры полились, зажгли трутъ и солому, и домъ вспыхнулъ. Крикъ, вопли и выстрѣлы раздались повсюду. Гофлейты грабили и рѣзали, деревня пылала, вой набатныхъ колоколовъ разносилъ ужасъ въ окрестности. «Вотъ мои потѣшные огни, и звонъ твоей панихиды,» говорилъ съ адскою улыбкою Шрейтерфельдъ связанному Гедеону, который проклиналъ его. Благодаришь меня, что я памятливъ: издалека пріѣхалъ повеселить друга на свадьбу къ твоей дочери. Не крушись,

Гедеонъ, и она ѣдетъ съ нами, полюбоваться твоего смертію. Конрадъ! подведи бѣгуновъ старику и красавицѣ. Треймерзенъ! возьми двадцать удальцовъ на лучшихъ коняхъ, ступай впередъ провожать плѣнниковъ, и помни, что ты головою отвѣчаешь мнѣ за цѣлость ихъ; Штернъ разскажетъ тебѣ, куда ѣхать и гдѣ съѣхаться, — спѣши!»

Бушевалъ вихорь по бору, тучи набѣгали грядами; изрѣдка блѣдный лучь мѣсяца сверкалъ на черныхъ латахъ Гофлейтовъ Эдгардовыхъ и снова скрывался въ распоргнутыхъ облакахъ. Раскаты отдаленнаго грома сливались съ шумомъ водопада Наровскаго, къ которому приближались они; все предвѣщало бурю.

Гауптманъ! сказалъ Шрейтерфельду рейтаръ Штольцъ, вотъ мѣсто, куда назначено собираться всему штандарту нашему, и Атаманъ осадилъ коня своего. «Слѣзай, скомандовалъ онъ; разведите огонь, товарищи; лошадей въ коноводъ, часовыхъ на дорогу; отдыхайте.»

Подъ вѣковыми соснами, на полянѣ,

запылали трескучія вѣтви, и свирѣпыя лица Гофлейтовъ мелькали на заревѣ сквозь дымъ, какъ привидѣнія злыхъ духовъ. — Иные убирали коней, другіе пекли мясо на палашахъ своихъ; вино лилось, и громкій смѣхъ разносился вѣтромъ. Угрюмъ лежалъ Атаманъ подлѣ костра, завернувшись въ плащъ, и дикіе взоры его, блуждая окрестъ, нетерпѣливо кого-то искали. Это непонятно! наконецъ вскричалъ онъ, это непростительно; Треймерзенъ долженъ опередить насъ, а его нѣтъ до сихъ поръ; или онъ заблудился или пошелъ дальнею дорогою; но въ обоихъ случаяхъ онъ стоитъ веревки.

Wer da? раздалось на дорогѣ. — Freund! отвѣчалъ голосъ; «это онъ, это Треймерзенъ!» Нѣтъ! всѣ ошиблись. Латникъ спрыгнулъ съ коня, хладнокровно отпустилъ подпруги, размундштучилъ своего буцефала, и тогда уже подошелъ къ огню; это былъ Гофлейтъ, именемъ Фромгольдъ.

«Здорово, пріятели! здравствуй Гауптманъ! гдѣ воевалъ, гдѣ ты странствовалъ? — Ба! да у васъ пиръ горой, и водка и вина; браво, товарищи! это кстати

моему постному желудку. Ваше здоровье! сегодня я такъ опощалъ, что долженъ былъ два раза спягивать портупею, боясь потерять её вмѣстѣ съ палашомъ.» Между тѣмъ онъ пристально работалъ руками и зубами. «Странное дѣло! продолжалъ Фромгольдъ, передъ ужиномъ тѣло мое прыгало въ кирасѣ туда и сюда, какъ сухой орѣхъ въ скорлупѣ своей, а теперь надо распускать пряжку за пряжкою. — Товарищъ Германъ! не въ службу, а въ дружбу, задай овса жеребцу моему; онъ такъ скакалъ вчера, какъ будто и ему грозила висѣлица.» Скажи пожалуй, откуда ты взялся? спросилъ его Шрейтерфельдъ. «Бездѣлка, Гауптманъ! чуть чуть не изъ петли. Мнѣ захотѣлось подѣлиться съ однимъ богатымъ Шведскимъ дворянчикомъ: говоря ихъ языкомъ, я пробрался къ нему на мызу, которая верстахъ въ сорока отъ Нарвы; тамъ выдалъ себя за Шведскаго офицера, будто бы ѣдущаго изъ Нотебурга въ Ревель, и сначала всё шло удачно. Смерклось; меня оставили ночевать; я потихоньку осѣдлалъ коня, пробрался къ кладовой и лишь только хотѣлъ

палашемъ уговорить къ сдачѣ желѣзной сундукъ весьма привлекательной наружности — вдругъ слышу по всему дому тревогу. Видя, что меня узнали, я выпрыгнулъ въ окно, и ожидалъ удовольствія быть проткнутымъ рогатиною. Шпоры въ бокъ вороному — и мы за рвомъ, и мы въ полѣ, а тогда поминай какъ звали. Зная, что наши удальцы часто дѣлаютъ здѣсь привалы, я пробрался сквозь чащу — и на этотъ разъ обоняніе не обмануло меня — превеликолѣпный ужинъ, особенно для того, кто обѣдалъ наизусть; бьюсь объ закладъ, это маленькая подать съ Русскихъ купцевъ.» Прямо съ боярскаго стола, любезный Фромгольдъ; прямо изъ подъ Луги, отвѣчалъ Фрейманъ. «Изъ подъ Луги? смѣешся или шутишь надо мной? дойти до неё легко, но воротиться оттоль очень трудно.» Однако возможно, сказалъ Шрейпферфельдъ, я не разъ гостилъ въ границахъ Русскихъ и за непремѣнное положилъ побывать подъ Лугою, Гофлейтамъ для добычи, себѣ для забавы. Лѣсами и околицами тихо пробрались мы къ деревнѣ одного боярина, съ которымъ мнѣ нужно было разсчи-

шаться. — Онъ праздновалъ сговоръ дочери; рейтары мои окружили домъ, а въ немъ никто еще не зналъ объ опасности. Надобно было видѣть каршину, когда явился я между пирующими гостями: хмѣль и страхъ приковалъ ихъ къ лавкамъ, стаканы замерли въ рукахъ, куда дѣвался и смѣхъ и веселость! «Ты упалъ какъ громъ съ неба? прервалъ его, смѣючись, Фромгольдъ. Но принесъ адскія новости, продолжалъ Аттаманъ; — услышавъ приговоръ свой, многіе осмѣлились бранить меня, но свинецъ залилъ имъ горло. Крикъ, стонъ, плачь, пальба — однимъ словомъ, сердце не нарадовалось. О добычѣ спроси у рейтаровъ: паргами хоть мостъ мости, серебра въ волю, въ винѣ и коней купали, а на дорогу себѣ я запалилъ такіе факелы, что за двадцать верстъ можно было считать сѣдые волоски въ усахъ моихъ.

Wer da? закричалъ сторожевой Гофлейпъ; отвѣта не было. Фромгольдъ придвинулъ къ себѣ палашъ, Аттаманъ положилъ руку на прикладъ карабина. Вѣтеръ завывалъ, и порывами наносилъ крупныя

дождевыя капли. »Чортъ возьми, если тебѣ не привидѣлось,» сказалъ часовому Фромгольдъ, подкладывая въ огонь сухія вѣтви, »изъ храбрости своей ты радъ окликать каждую ворону, тобою же испуганную.» — Кому охота въ такую ночь прогуливаться по дремучему лѣсу! И такъ въ двои сутки вы здѣсь? обратилъ онъ рѣчь къ Шрейтерфельду, но зачемъ избралъ ты такую дальнюю въ Линневарденъ дорогу? или боялся погони или войска Литовскаго?» Постой, прервалъ его Атаманъ; кажется, я слышу конской топотъ: — Фромгольдъ припалъ ухомъ къ землѣ. Да, точно; вставай товарищи! Загремѣлъ Шрейтерфельдъ, и Гофлейты поднялись какъ тѣни. Топотъ приближался. »Свои,» отвѣчали трое запыхавшихся всадниковъ, на окликъ часоваго, и въ два мгновенія стояли уже передъ Атаманомъ. »Наконецъ вы здѣсь, съ радостію произнесъ онъ, увидя съ ними полумертвую Евпраксію; но гдѣ Треймерзенъ? гдѣ другіе?» — Всѣ погибли, отвѣчалъ Тилейнъ, всѣ убиты; проклятый женихъ этой дѣвчонки, невѣдомо какъ, ускользнулъ отъ висѣлицы, собралъ слугъ и стрѣльцовъ,

заскакалъ намъ впередъ и перерѣзалъ дорогу — дѣло было жаркое, товарищи наши легли — старикъ спасся; но мы трое успѣли ускакать съ дочерью. —Какъ! вскричалъ Шрейтерфельдъ, скрыпя зубами, его ошбили? его увезли? Духи адскіе! когда перестанете вы играть мною! тридцать лѣтъ искалъ я его; нашелъ и потерялъ въ одну минуту, — но тебя, Евпраксія, тебя ни какія силы не вырвутъ изъ рукъ моихъ — ты заплатишь мнѣ за отца своего — и онъ медленно поднялъ фату ея, наслаждаясь ужасомъ невинной жертвы. Напрасно обнимала она колѣна варвара, напрасно молила его; ни слезы, ни юность, ни красота не тронули злодѣя, закоренѣлаго въ преступленіяхъ. — Злобно хохоталъ онъ, взводя курокъ пистолета, и повлекъ Евпраксію, привязать къ дереву. »Пусть отецъ твой стократно умираетъ въ тебѣ, покуда я не вырву изъ него души,« произнесъ онъ. А! кольцо обручальное! разбойникъ сорвалъ его съ руки несчастной; оно обручитъ тебя съ смертью, оно мило тебѣ, оно будетъ въ сердцѣ твоемъ; — снявъ, опустилъ онъ его въ

дуло.» Мольбы твои безплодны, продолжалъ Шрейтерфельдъ, прицѣливаясь — выстрѣлъ раздался, и — не стало Евпраксіи.

»Бейте разбойниковъ, воскликнулъ невѣдомый голосъ и выстрѣлы полетѣли со всѣхъ сторонъ. Всеволодъ съ конными стрѣльцами врѣзался въ средину испуганныхъ нечаянностію Гофлейтовъ. »Милости просимъ,» кричалъ ему Атаманъ, и положилъ на мѣстѣ двоихъ изъ карабина. »Ко мнѣ товарищи!» и мечь его засверкалъ, какъ молнія. Сѣча была ужасна: кони и воины падали другъ на друга, свинецъ поражалъ безстрашныхъ, ломались сабли на панцыряхъ, летѣли искры мечей и верхи латъ разбитыхъ — и пылающій костеръ озарялъ умирающихъ. Окрестность звучала кликами отчаянья и мести, громы земные спорили съ громомъ небесъ; наконецъ склонилась побѣда на сторону правую; Гофлейты, задавленные латами, не умѣли сражаться пѣшкомъ и, скользя на влажной травѣ, падали и отступали. Уже только шестеро осталось отъ всего штандарта ихъ; Шрейтерфельдъ рубился какъ отчаянный. »Фрейманъ! кричалъ онъ од-

ному изъ сражающихся, вспомни Линневарденъ и не измѣни своему прозвищу; свободными жили мы, вольными должны и умереть.» Но Фрейманъ палъ отъ руки Бестужева, который, не зная своего несчастія, вездѣ искалъ Евпраксію. Юный Всеволодъ размахомъ сѣкиры сокрушилъ въ дребезги и мечь и нарамникъ Шрейтерфельда. Сдайся, злодѣй! воскликнулъ онъ, снова подъемля сѣкиру, сдайся! или умрешь ты безоруженъ; — но не побѣжденъ, отвѣчалъ Атаманъ, ринувшись на Всеволода и стиснувъ его желѣзными руками: долго крутились они по скользкому берегу. »Гибни со мной,» произнесъ Шрейтерфельдъ — и оба полетѣли въ бездну.

Взошло солнце весеннее, и озарило несчастнаго отца надъ тѣломъ дочери. Горько плакалъ онъ; но, смиряясь передъ испытующимъ перстомъ Судьбы неисповѣдимой, оставилъ долину смерти, и скоро палъ за родину, подъ знаменами Пожарскаго. — »До сихъ поръ, говоритъ боязливо преданіе, въ часъ полуночи, когда молніи блещутъ въ черныхъ валахъ пороговъ Наров-

скихъ, встаетъ ужасный призракъ надъ рѣкою, и тѣни душегубцевъ блуждаютъ по полю. А тамъ, гдѣ свершилось убійство, гдѣ лилась кровь неповинная, и травка не вьётся, и ласточка не вьётъ гнѣзда своего.»

Медленно, съ грустною душой удалился я отъ пороговъ, и далекій шумъ водопада пробуждалъ въ памяти моей отголосокъ давно и недавно минувшаго.

»Тебя ждутъ, сказалъ Генералъ, и мы помчались впередъ, и вотъ уже въ Чирковицахъ, за 4 станціи до Петербурга.

Что скажу я о дорогѣ и станціяхъ? И Русскіе и Нѣмцы брали съ насъ — какъ и вездѣ — дорого: — это не мудрено; но случалось, кормили весьма худо — и это непріятно. Любезные земляки наши и Эстонцы не упускали случая стянуть, что плохо лежало; но пропажа была только въ первую дорогу, теперь же все въ цѣлости: — не вѣдаю, чему приписать такой феноменъ! или мы стали осторожнѣе или проводники честнѣе.

Въ гостинцы вамъ, друзья мои, везу нѣсколько рогулекъ Ревельскихъ. — »Что это за вещь, спросите вы?» По правдѣ

сказать, не слишкомъ знаменитая; она, она не менѣе и не болѣе какъ булка; но если вы примите на себя трудъ, разсмотрѣть ее съ почтеннымъ собирателемъ древностей, Г. Х-мъ, въ характеристическомъ отношеніи, то и она по угловатой готической фигурѣ своей займетъ не послѣднее мѣсто между сайками и калачами и, вѣроятно, составитъ историческое звено происхожденія народовъ.

КРАСНОЕ СЕЛО.

8 Часовъ вечера.

Спутники наши поѣхали на Царское село, а мы съ братомъ пьемъ здѣсь чай. Еще два часа, и я въ Петербургѣ! Чѣмъ ближе подъѣзжаю къ нему, тѣмъ болѣе желаю свидѣться съ друзьями и родными! тѣмъ сильнѣе бьется ретивое! — Хорошо въ гостяхъ, говоритъ пословица; но гдѣ лучше, какъ не дома. Такъ взлетѣвшая къ верху стрѣла возвращается даже отъ неба яснаго и, быстрѣй, быстрѣй несется къ родной землѣ.

Сижу подъ окномъ и размышляя о будущемъ, вспоминая былое, мнѣ пришло въ мысль, какъ, полтора года тому назадъ, во время манёвровъ я чуть не утонулъ не-

подалеку отсюда. Возвращаясь верхомъ изъ Краснаго села часовъ въ десять вечера и желая проѣхать ближнею дорогою въ деревню, гдѣ кантонировалъ нашъ эскадронъ, я потерялъ бойную тропу и ѣхалъ наудачу. Вы знаете, что Петербургъ окруженъ подземными болотами, на которыхъ пловучіе мхи и растѣнія образуютъ обманчивую плену. Не замѣчая, что конь мой началъ прорываться, я понуждалъ его далѣе и далѣе — наконецъ онъ прыгнулъ еще впередъ, еще рванулся и — осѣлъ: обманутый травою, я думалъ въ трехъ шагахъ найти берегъ, и шпорами заставилъ его прыгнуть впередъ, снова огрузнуть; поздно уже я замѣтилъ неосторожность свою, голосъ мой исчезъ бы въ пустой окружности — и я зналъ это! холодный потъ выступилъ на лицѣ, волосы поднялись дыбомъ, въ воображеніи моемъ изобразились всѣ разсказы о подобныхъ несчастіяхъ — конь мой рвался и бился, вода фонтаномъ брызгала изъ пробоинъ и клокотала подъ корою — окружность колебалась, бездна засасывала. Умирать такимъ образомъ и въ такія лѣта — ужасно!

Наконецъ я спрыгнулъ съ коня моего, и, ежеминутно обрываясь самъ, не желая однако же бросить на погибель товарища моего несчастія, ободрялъ его голосомъ и поводомъ, и вотъ ступилъ съ радостнымъ біеніемъ сердца на твердую землю. Вообразите, какой праздникъ для меня, какая холя коню моему!

Зачѣмъ, подобно Руссо, не могу я переливать чувствъ своихъ въ мысли, а мыслей въ краснорѣчіе? Тогда бы разсказъ мой развился лентою самоцвѣтною! Но какъ бы то ни было, вотъ перечень трехнедѣльнаго моего существованія, каковъ онъ есть, каковъ я былъ. Можетъ статься, друзья мои, лѣтъ черезъ двадцать, можетъ и ранѣе, когда соберемся въ кружокъ постаринному, когда вздумается кому нибудь развернуть эту, вамъ посвященную, тетрадь раннихъ моихъ заблужденій и когда улыбка воспоминанія порхнетъ на лицѣ моемъ — вѣрно холодный опытъ, заглянувъ черезъ плечо, скажетъ: »ты во многомъ ошибался, тутъ много пустаго.«

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Въ Ревелѣ ночью нахтвехтеры не бьютъ, а свищутъ часы.

(2) Клубъ сей получилъ названіе отъ складчины первыхъ основателей онаго; каждый участокъ назывался акціею, каждый вкладчикъ акціонеромъ. Теперь Акціонъ-Клубъ наиболѣе поддерживается дворянствомъ Эстонскимъ, пріѣзжающимъ къ 1 числу Марта на контракты, а въ Іюнѣ мѣсяцѣ на ярмонку.

(3) Екатеринен-шаль, лучшее гулянье Ревельцевъ, лѣтомъ; тамъ живутъ они на дачахъ и тамъ же пріѣзжіе берутъ морскія ванны.

(4) Съ нимъ соединились (по Арндту) Князь Литовскій Венцеславъ и Епископъ Ордена. Вальдемаръ приплылъ въ Эстонію 1217 года; три года воевалъ съ Эстами съ перемѣннымъ счастіемъ, и послѣ одного самаго жаркаго дѣла учредилъ Орденъ Данен-Брога, будто бы въ память знамени, упавшаго съ неба на сторону Датчанъ.

(5) Бурею занесенные Нѣмцы на приморскій берегъ Двины проложили Рыцарямъ путь въ Ливонію, такъ названную по имени Ливовъ (Ливь), при Двинскомъ устьѣ обитавшихъ. Крестовые походы и миссіи воспламеняли тогда всѣ умы, занимали всѣ силы Европы: Священникъ Августинскаго Ордена Мейнгардъ, испрося у Владиміра позволеніе, первый проповѣдалъ въ Ливоніи Слово Божіе въ 1184 году; крестилъ многихъ Леттовъ и Ливовъ и построилъ первую церковь въ

Икскулѣ (Икескола) или, какъ говорятъ другіе, въ Кирхгольмѣ. Новообращенные идолопоклонники скоро отреклись отъ Христіанства и грозили сжечь или утопить проповѣдниковъ, прибывшихъ изъ Бремена. Папа Целестинъ III объявилъ отпущеніе грѣховъ, наравнѣ съ Палестинскими Рыцарями, тѣмъ, кто захочетъ ополчиться для наказанія Ливонскихъ отступниковъ, и въ 1198 году Миссіонеръ Бертольдъ съ войскомъ Нѣмецкимъ приплылъ въ Двину, мечемъ проповѣдывать спасеніе; но былъ скоро убитъ въ сраженіи противу Ливовъ. Остальные товарищи его погибли измѣною коварныхъ враговъ. Ревность къ Вѣрѣ не умалилась неудачами. Въ томъ же году Епископъ Бременскій Альбертъ Буксгевденъ съ шестью стами крестоносцевъ явился на берегахъ Двины, построилъ въ 1200 году Ригу, воздвигъ многія церкви, укрѣпилъ свои завоеванія крѣпостями и замками; однимъ словомъ, между тысячами опасностей, въ безпрестанной борьбѣ съ эгоизмомъ своихъ и варварствомъ покоренныхъ, основалъ сильную Республику Ливонскую и Орденъ Меченосцевъ, или братьевъ креста Господня. Папа Иннокентій III далъ симъ духовнымъ Рыцарямъ статутъ Тампліеровъ; но Орденъ существовалъ только 34 года. Неудачи его въ дѣлахъ съ Литвою и Эстонцами, принудили Магистра Вольквина просить Гросмейстера Тевтонскаго Ордена, славнаго Германа Зальца, о присоединеніи Меченосцевъ къ Рыцарямъ Тевтонскимъ. Совершенное разбитіе Вольквина въ 1237 году, Рингольдомъ Княземъ Литовскимъ, гдѣ онъ потерялъ жизнь съ 2000 своихъ, ускорили рѣшеніемъ дѣла, и Папа Григорій IX благословилъ соединеніе Орденовъ: — вотъ какимъ образомъ пришли Рыцари Нѣмецкіе и завла-

дѣли всею Ливоніею. Летты или Латыши и Ливы много способствовали Нѣмцамъ въ покореніи земляковъ своихъ; особенно храбрый прозелитъ Кобо или Копо, (владѣтель Коббеселя), отъ котораго ведутъ свое начало фамиліи: Ливеновъ и Кошкулей, отличился ревностію къ Вѣрѣ.

(6) Настоящая эпоха вступленія Ревеля въ число Ганзейскихъ городовъ не опредѣлена. Однако въ 1284 году о немъ упоминается уже какъ о городѣ Ганзейскаго Союза.

(7) Взять на щитъ — значило тогда разграбить въ конецъ.

(8) Старѣйшины Ордена изумились, услышавъ, что Русскіе вторглись въ Ливонію; они праздновали въ это время на свадьбѣ какого-то Ревельскаго Командора.

(9) Гермейстеръ Фюрстенбергъ не согласился на предложеніе Грознаго: отказаться отъ достоинства Орденскаго, за полученіе власти Герцогской, но подъ покровительствомъ Русской Короны, и умеръ въ Москвѣ, въ заточеніи.

(10) Когда Князь Шуйскій въ 1558 году осаждалъ Дерптъ, сей достойный гражданинъ предлагалъ все, что онъ имѣлъ, для спасенія города, говорилъ и дрался какъ патріотъ; но это уже было поздно. Ни золото, ни храбрость не помогли Рыцарямъ. Городъ сдался, Орденъ сокрушили.

(11) Герцогъ Магнусъ Голштинскій, сынъ Датскаго Короля Христіерна III, промѣнялъ брату своему, Фридриху II, часть Герцогства Шлезвигскаго, ему въ

наслѣдство доставшуюся, на Епископства Эзельское и Пильтенское (что въ Эстоніи), купленныя Фридрихомъ въ 1559 году отъ Епископа Мюнгаузена, который не имѣлъ никакого права ихъ продать. Епископъ Морицъ Врангель послѣдовалъ сему постыдному примѣру, и вотъ причины, по которымъ Магнусъ имѣлъ притязаніе на часть Эстоніи. Іоаннъ Грозный, женивъ его на одной изъ своихъ родственницъ, объявилъ Царемъ всей Ливоніи, потомъ заточилъ въ темницу, и цѣлый вѣкъ свой Магнусъ былъ игралищемъ судьбы и деспотовъ.

(12) Стрѣлецкій Голова Кошкаровъ въ 1560 году, съ двумя сотнями Русскихъ, заставилъ бѣжать войско Готарда Кетлера, осаждавшее Лаисъ; а Икскуль въ 1558 году съ 400 воиновъ около мѣсяца противился Русскимъ, и во время штурма хотѣлъ умереть на послѣднемъ камнѣ разбитаго города. „Нѣмцы сидѣли на смерть," пишетъ нашъ лѣтописецъ; но Русскіе, уважая храбрость, выпустили остальныхъ съ честію.

(13) Сынъ перваго учителя Великаго Петра.

(14) Капитанъ плѣннаго корабля, называемаго: Принцъ Карлъ, ужиная въ день сраженія у Адмирала Чичагова, сказалъ ему: „мы ошиблись въ разчетѣ: думали угощать васъ, и нечаянно попали къ вамъ въ гости." На это была воля великаго хозяина міра, былъ отвѣтъ Адмирала.

(15) Мантіи Рыцарскія, по статуту, были бѣлыя, съ чернымъ на лѣвой сторонѣ крестомъ. Но въ XV вѣкѣ черный цвѣтъ сталъ параднымъ; тогда же вошли въ моду штибель-манжеты и фишбейны. Дамы носили мѣховыя шапки, косынки и передники, унизанные жем-

чугами; штофныя и глазетовыя платья. На головѣ, на шеѣ, на рукахъ — кольцы, монисты и ожерелья безъ всякаго вкуса. Плеттенбергъ, желая ограничить роскошь, опредѣлилъ расходы и одежду всякаго по состоянію, но это не помогло.

(16) Другой монастырь, котораго остатки видны въ Ревелѣ, построенъ во имя Св. Михаила, за 20 лѣтъ до заложенія города, Эрихомъ II, Королемъ Датскимъ. Коцебу написалъ довольно забавный романъ о упомянутомъ подземномъ ходѣ.

(17) Е. Баратынскій.

(18) Въ Нотѣ къ Карлу XII, которою, объявляя войну Швеціи, Россія доказывала законность притязаній своихъ на Эстонію.

(19) Здѣсь однажды случился презабавный анекдотъ: одинъ иностранецъ, искавъ клуба *Erholung* (отдохновенія), ошибкою зашелъ въ *Einigkeit*, гдѣ двое Нѣмцевъ подрались въ сѣняхъ. Онъ засталъ ихъ въ самомъ жару ратоборства и спрашивалъ, не тутъ ли отдыхъ? „Какой отдыхъ? отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, тузя другаго; здѣсь согласіе!“ Was ist die Erholung? hier ist Einigkeit!“

(20) Въ скромномъ дворцѣ Екатеринен-тальскомъ хранятся нѣкоторые инструменты и одежда Петра Великаго; а въ домикѣ, стоящемъ у пруда, показываютъ три кирпича, собственноручно имъ въ стѣну вложенныхъ.

(21) Сторонщикъ, значило встарину то же, что теперь партизанъ и фуражиръ вмѣстѣ. Они шли стороною и впереди арміи, грабили окрестности, обхо-

дили, безпокоили непріятеля, доставали языковъ и привозили войску съѣстные припасы.

(22) По взятіи Линневардена въ 1577 году, по приказу Іоанна, Гаспарду фонъ-Мюнстеру, Маршалу Ордена, выкололи глаза и засѣкли его розгами.

(23) Четыреста человѣкъ дворянъ, по взятіи Вендена Русскими, заперлись въ замокъ, и, видя жестокости ихъ, рѣшились сжечь себя, а не отдаться въ плѣнъ; отслужили обѣдню и бросили огонь въ пороховой погребъ. Это было въ 1557 году. Но Де-ла-Гардій, взявши въ 1581 году Нарву и Венденъ, превзошелъ варварствомъ и самыхъ Татаръ.

КОНЕЦЪ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JUN 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

I
XI 905

Антикварная
книжная торговля
В. И. Клочкова.
СПБ
Литейный пр.
55.

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 604 307 7